

Дмитрий Петрунин

Дух Огня

Дмитрий Петрунин

Дух Огня

«Издательские решения»

Петрунин Д.

Дух Огня / Д. Петрунин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904776-2

В глубокой древности мир раскололся, и из Истока возникли бесчисленные миры. Миры, где падали с небес алмазные дожди, и миры, где с тех пор не затихала буря. Но были и иные. Те, куда пришли люди. И драконы. Миры с ограниченным доступом, замершие на краю собственной гибели. В которых ученик Академии путешествует из нашего мира в свой, а слуга Дракона готовит ритуал, чтобы вернуть своего господина к жизни. И где из сердца упавшей звезды выкован меч, который ждёт своего часа. И час этот пробил.

ISBN 978-5-44-904776-2

© Петрунин Д.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. Вода	8
ГЛАВА 1. Охотники на гарпий	9
ГЛАВА 2. Переход	18
ГЛАВА 3. Академия	32
ГЛАВА 4. Ратаэштгар	43
ГЛАВА 5. Ночь над городом	48
ГЛАВА 6. На даче	53
ГЛАВА 7. Валтасар	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дух Огня

Дмитрий Петрунин

© Дмитрий Петрунин, 2018

ISBN 978-5-4490-4776-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Можно пройти путём, Который стережёт текущая река; Один только
путь непроходим – Безжалостного Вайю*

*Можно пройти путём, Который стережёт дракон, толщиной с быка,
Нападающий на коней, нападающий на мужей*

Мужеубийца безжалостный;

Один только путь непроходим – Безжалостного Вайю.

«Авеста»

ПРОЛОГ

Плач слышен был издалека и человек, идущий широкими и быстрыми шагами, услышал его ещё у реки, не смотря на шум воды, скатывающейся вниз с гор, называемых Гиперборейскими. Теперь человек скакал по камням, пробираясь между ветвей елей и тонких стволов сосен, которые росли вокруг. Иногда он останавливался и прислушивался, не сбился ли с пути. Плач не стихал ни на секунду, и это облегчало дело. В очередной раз человек остановился, замер, весь превратившись в слух, определяя направление. Здесь, среди скал, где завывал то и дело ветер, и обманчивое эхо подхватывало любой звук, немудрено было и ошибиться, пойти куда-нибудь не туда... А для его дела требовалась спешка. Он чувствовал, что женщина вот-вот придёт и второго шанса у него может не быть. Нужно сделать всю работу до её возвращения.

Тяжёлый, подкованный железом сапог ступил на присыпанные сухой хвоей камни и те вдруг заскользили из-под него. Человек на секунду утратил равновесие, тяжёлый меч, пристёгнутый к поясу, потянул его вниз, но он взмахнул руками и удержался.

Ухватившись за ветку сухого деревца, которое тут же предостерегающе затрещало, он взглянул вниз и перевёл дыхание. Совсем чуть-чуть, совсем немного ему не хватило, для того, чтобы сорваться... Он бы не погиб, но дело в таком случае могло остаться невыполненным.

Краем глаза человек заметил движение за собой, как будто кто-то шёл за ним следом, но не хотел, чтобы его видели. Так оно и было на самом деле – слежку он заметил давно, около трёх дней назад... Он мог оторваться, если бы хотел, мог просто исчезнуть, но в том-то и было дело, что человек хотел довести до места и своего преследователя. Он нужен был ему там, хотя сам преследователь, конечно же, об этом не подозревал.

Человек направился дальше, слушая плач. Он становился всё громче и громче, и теперь уже можно было сказать, что слышен он оттуда, где поднялись на бурых камнях несколько сосен. Человек остановился, перевёл дыхание – всё-таки в его возрасте такие путешествия пора бы и прекращать... Он с удовольствием послал бы кого-нибудь другого вместо себя, если бы не знал, что никто другой не способен справиться. К тому же человек полагал, что лучше уж всему оставаться в тайне... Только своему преследователю он мог доверить эту тайну.

Он пошёл дальше, теперь двигаясь осторожнее. Ему не хотелось, чтобы женщина, если бы вдруг она оказалась неподалёку, услышала его и поспешила назад. В таком случае не избежать драки. Сейчас она на нервах, она думает, что её преследуют, чтобы убить, потому что не убили там, в Сером Ущелье. А человеку вовсе не хотелось вступать в драку. Он не боялся её, хотя и знал, что женщина вооружена. Просто она тоже не должна была ничего знать.

Он добрался до сосен, и теперь плач раздавался уже рядом. Казалось – вот он, источник этого плача, лежит под сосной. Но ничего не было. Человек в замешательстве оглянулся и тут заметил у корней одной сосны что-то светлое. Он направился туда быстрым шагом, и только подойдя почти вплотную, увидел, что маленький кулёк практически похоронен здесь в опавших ветках и хвое.

Мастерски спрятано, подумал человек и улыбнулся, но судьбу всё-таки не проведёшь...

Он смахнул мусор и из раскопанного в корнях углубления достал младенца, завернутого в домотканое полотенце, которое было когда-то белым, но теперь всё оказалось перепачкано грязью. Ребёнок замолчал, прекратил реветь и уставился на человека огромными глазами. Затем он всхлипнул и вновь заголосил.

– Амон! – крикнул негромко человек, – что ты там встал, иди сюда!

За его спиной послышались шаги, и сердито пыхтя, перед ним возник молодой человек, со светлыми взъерошенными волосами и со шрамом, пересекающим левую щёку. Одет он был в охотничий костюм, как и тот, кого он преследовал.

– Зачем ты за мной шёл, Амон? – спросил человек, задумчиво глядя на ребёнка.

На лице Амона задвигались желваки.

– Когда вы меня заметили? – вместо ответа спросил он.

– Тогда же, когда ты начал за мной следить, – ответил человек. – Ты догадываешься, зачем мы здесь?

Амон помедлил, а затем произнёс, продолжая смотреть на человека волком.

– Не знаю. Если б я знал вас хуже, я бы мог предположить, а так я не знаю.

Человек пожал плечами.

– Ну что ж, сейчас ты узнаешь. Для тебя, кстати, тоже найдётся дело.

– Какое?

– Отнесёшь ребёнка в город и отдашь туда, где о нём позаботятся.

Амон мрачно взглянул на плачущего младенца. Его явно не вдохновляла перспектива несколько дней нести его в город.

– Может лучше отдать его Балу? Я слышал, у него недавно убили всю семью в горах... Пусть хоть кто-то будет.

– Нет, – покачал головой человек, – Балу скоро сопьётся... Эх, а был хороший поэт, что с ним стало. Жаль. И ребёнка ему теперь доверить нельзя. Ты знаешь, куда его лучше отнести.

Амон склонил голову.

– Я сделаю всё так, как вы говорите, Ролан.

Ролан кивнул.

– Отлично. Послушай, Амон, ты слышал когда-нибудь историю о царе Соломоне?

– Я не знаю такого царя, – мрачно отозвался Амон.

– А жаль, – сказал Ролан, – это провал в образовании. Так вот, однажды к царю Соломону привели двух женщин с одним живым ребёнком, и одним мёртвым. Каждая женщина твердила, что живой ребёнок – её, а мёртвый – её подруги. Знаешь, как он решил эту проблему?

Амон покачал головой. История, очевидно, не была ему интересна.

Ролан бросил на младенца в своих руках последний задумчивый взгляд, и как будто сразу забыл то, что хотел рассказать.

Он положил ребёнка на землю рядом с сосной (Словно само дерево и породило его, – промелькнула в голове Ролана мысль), распеленал и коснулся пальцем крохотного носа.

– Ну что ж, приступим...

Ролан поднялся, вздохнул, словно перед прыжком в ледяную воду, и легко выхватил из ножен тяжёлый двуручный меч.

– Что... Что вы собираетесь делать! – воскликнул Амон, и в голосе его был ужас.

Ролан не ответил. Он ухватил меч поудобнее, и вскинул его над головой. Лезвие вспыхнуло синим огнем, и Амон отшатнулся от него, хотя жара не было.

Меч замер на секунду в воздухе, а затем с силой обрушился на младенца, оставив в воздухе шлейф голубого пламени.

ЧАСТЬ 1. Вода

*...За дальней цепью диких гор,
Жилища ветров, бурь гремучих,
Куда и ведьмы смелый взор
Проникнуть в поздний час боится,
Долина чудная таится...*

А. С. Пушкин «Руслан и Людмила».

ГЛАВА 1. Охотники на гарпий

Под ногами шуршала тёплая, сухая хвоя. Над обломками светло-бурых скал поднимались высокие сосны, поблёскивающие от смолы, под горячим полуденным солнцем. С берегов сыпались мелкие камешки прямо в воду крохотной речушки. Вода спускалась сюда с горных ледников, играла в маленьких водопадах, в которых кувыркались упавшие шишки. Вдали синели пики гор, среди которых к самому солнцу тянулись длинные иглы притягательных и страшных серых башен. И ни постороннего звука, ни шороха.

Во время охоты на гарпий важна тишина. Это крайне осторожные существа и иногда можно неделями бродить в предгорьях и не увидеть ни одной даже издали. Ещё важная вещь – терпение. Терпение просто необходимо. Тот, кто охотился на гарпий всю свою жизнь даже у себя дома, у тёплого очага обретал спокойствие, присущее лишь каменным стенам, укрывая за этими стенами свои эмоции и чувства. Люди эти становились внимательными, с цепким взглядом, выхватывая даже мелочи из того, что их окружало, но с завидным упорством не замечали самых очевидных вещей. Не то, чтобы и леса не видели за деревьями, но отсекали всё лишнее, не относящееся к охоте. Впрочем, терпением Кай обладал незаурядным, можно сказать – абсолютным. Он мог по нескольку часов лежать, не шевелясь, в засаде. Главное здесь было – разминать немного мышцы ног и рук, чтобы они не затекли. Он напрягал и расслаблял их потихоньку, не производя постороннего (и такого непредусмотрительного) шума. Вот и сейчас время шло час за часом, а он не двигался с места. Другое дело, что слабым звеном в их коллективе был Лой – он то и дело, по поводу и даже без, шевелился, ёрзал и «отлучался на пару минут по неотложному делу». Это раздражало Кая, но не сильно, в конце концов, к выходкам друга он давно уже привык.

Однако сегодня ситуация была иная. Лоя в засаде не было. Вернее он был, конечно, как всегда (поскольку горел непреодолимым желанием поймать первую гарпию собственноручно), но далеко – в паре километров. Идея разделить и охотиться отдельно, давно бередившая ум Кая, озарила и предприимчивого Лоя. Кай не безосновательно полагал, что из этого может выйти толк.

Из снаряжения при нём было – самострел, заряженный стрелой вроде тех, что используют для охоты на птиц – с маленьким шариком вместо наконечника, кинжал, если зверь попадётся слишком крупный и придётся его добивать, и кожаный колчан.

Высокие стволы сосен покачивались над головой, размахивая своими колючими кронами, где-то дятел упорно долбил дерево, а в кустах с разных сторон доносился по временам слабый шорох – пробежала то ящерица, то мышь, а то и ещё кто-нибудь.

На большом, обточенном водой камне по середине речушки, где калька образовала широкий брод, лежала приманка. Без приманки ни как нельзя. Приманка необходима, потому что можно целую вечность дожидаться, пока какая-нибудь из неосторожных гарпий приземлится сюда, чтобы попить воды. С таким же успехом Кай мог просто сидеть дома и ждать, когда гарпия сама залетит в окно. Конечно, эти существа любили воду. Гарпии происходили от земноводных рептилий, и не было для них большей радости, чем приземлиться на камне у воды и нырять вниз головой за рыбой. Кай видел их тушки и знал, что на зобу у них находятся маленькие полоски жабр. После охоты гарпии, как правило, задерживались ещё немного, чтобы почистить чешую, избавиться от надоедливых паразитов или принять солнечные ванны. Но они предпочитали высокогорные реки в местах, часто недоступных человеку, где испокон веков никто никогда их не тревожил. Поэтому самое разумное было приготовить приманку и смотреть, чтобы её не склевали птицы.

Как правило, забивали гуся или курицу, давали им немного протухнуть и тогда уже шли на охоту. Почему-то гарпии видели в чуть подпорченной пище невероятно вкусный делика-

тес. Конечно, это было накладно – попробуйте-ка каждый раз раскошелиться на домашнюю птицу, без всяких гарантий успеха, которую потом, через два дня придётся всё равно выкинуть, потому что даже ни одна гарпия на неё больше не позарится.

Охота эта имела, к тому же, ещё множество тонкостей, которые делали её недоступной для большинства людей, и только небольшая каста избранных, настоящих любителей и фанатиков своего дела ей занималась. Кай принадлежал, конечно, к первой, а не второй категории, и иногда ему удавалось выцарапать немного из своих скромных доходов. Тогда вместе с Лоем они набирали провиант, прихватывали с собой плащ-палатки и шли в лес дня на четыре. Как правило, всё оборачивалось в итоге простым походом с поджаренным на костре хлебом, потому как удача им не особенно благоволила и ни одной гарпии они так пока и не поймали.

Часа через три упорного лежания на подстилке из хвои и камней, не смотря на все процедуры, тело затекло и стало болеть, а рельеф под ним уже, кажется, на всю жизнь отпечатался на животе. Кай решил, что потерпит ещё немного. Ну – полчаса, не больше... Конечно, то же самое он уже обещал себе и получасом раньше, и даже час и два назад, но он решил, что выдержит ещё немного. На этом и строилась вся его выносливость. Он каждый раз обещал себе, что это последние минуты, что он потерпит, пока тень от во-он той сосны не достигнет во-он того камня, а затем продлевал собственную экзекуцию ещё до того камня и до следующего. Что-то в нём было от рыбака, который часами сидит с удочкой, отвлекаясь только на то, чтобы убить кусающего руки или шею москита. Но рыбалкой Кай никогда не увлекался, считая её на редкость пустым и бессмысленным занятием, эдакой разновидностью мазохизма – в конце концов, на что-то же придуманы сети и, следовательно, удочки можно выбросить... Но гарпии – гарпии, это совсем другое дело. Прекрасная стройная гарпия, с переливающейся на солнце чешуёй, со вкусным нежным мясом, не смотря на личные гастрономические пристрастия, была достойной наградой за проявленную выдержку.

Кай мягко коснулся лежащего рядом с рукой самострела, тетива которого была туго натянута. Он специально проводил очень много времени, практикуясь в стрельбе из лука. Потом, когда сам смастерил самострел, стал стрелять уже из него. В оружейных палатах Академии находился большой тир, и он обожал проводить там вечера, стреляя по развешенным на стенах мишеням или вытачивая стрелы. В конце концов, смотритель, который и сам считал себя заядлым охотником, хотя попадал в цель только один раз из десяти (и то только по чистой случайности), проникся к нему такой симпатией, что позволял оставаться допоздна. Правда, втихомолку, когда всем ученикам уже полагалось спать. Кай нередко захватывал с собой флягу с пивом, и когда смотритель, исчерпав свой запас на вечер жизненных историй, из которых половину сочинил, уходил-таки спать, оставив ему ключи с наставлением запереть потом все двери, немного пригублял. Со спиртным в Академии было строго, а потому Кай не брезговал такой возможностью. Пожалуй, это даже и не сильно сказывалось на его меткости.

И, тем не менее, удача отказывалась оказать ему поддержку и только дразнила порой, когда ему казалось, что в кронах он увидел переливающийся блеск чешуи. При этом Кай отказывался верить, что то была вовсе не гарпия, а, скорее всего, просто листья кустарников и кроны сосен, пропускающие солнечный свет, что казалось свечением. Со временем он должен был превратиться в маниакального преследователя – утверждал Лой, и, откровенно говоря, был не так уж далёк от истины.

Сверху послышался шум крыльев, пальцы Кая непроизвольно стиснули приклад самострела, а сам он устремил вверх полный надежды взгляд. Но то была только птица. Кай выругался сквозь зубы и стал внимательно смотреть, куда это она намылилась. Птица приблизилась и оказалась на поверку простой вороной. Впрочем, опыт показывал, что вороны как раз нежеланные гости – они не брезговали той тухлятиной, что была приготовлена для гарпий. И действительно, эта ворона, похоже, уже совсем собралась пообедать, потому как уверенно и бесцеремонно приземлилась на камень, где была выложена приманка. Если бы это была гарпия,

то она просто ухватила бы мясо в узкую зубастую пасть и попробовала унести его с собой – на этот случай оно было примотано к камню тонкой и прочной воловьей жилой. Но то была ворона, а потому она приземлилась рядом и принялась отрываться от приготовленной тушки куски. Кая охватила ярость. Не то что бы это был праведный гнев, просто он уже начал потихоньку соловеть от неподвижного лежания, от колючей хвои, щекочущей бок, и от нескончаемой череды охотничьих неудач.

Кай приподнял самострел, прицелился (причём целился он чуть ниже, чем надо, потому что неизбежная отдача всё рано направила бы стрелу вверх) и дёрнул спусковой крючок. Самострел рванулся в руках, стрела коротко пропела в воздухе, и ворону тут же сшибло с камня в реку.

Кай злорадно улыбнулся и почувствовал себя сразу почему-то отдохнувшим. Наверное, сказала небольшая эмоциональная разрядка. Он немного подвигал плечами, разминаясь, и тут же услышал над головой тонкий пронзительный свист.

Ох, сколько же историй про этот свист он наслышался в своей жизни! Конечно, каждый рассказывал о нём чуть по-своему, давал самые разные сравнения, но так или иначе, а свист гарпий Кай не мог перепутать ни с чем, пусть никогда в жизни его и не слышал.

Он медленно поднял голову, всматриваясь вверх, но это оказалось лишним, потому что гарпия тут же спикировала вниз сверкающей серебряной стрелой, и резко выйдя из пике над самой водой, взмахнув перепончатыми крыльями, приземлилась на камень.

Кай несколько секунд просто смотрел, замороженный ею. У гарпии была длинная лебединая шея, покрытая маленькими чешуйками, которые отливали на солнце всеми цветами радуги, длинное же змеиное туловище, маленькие цепкие лапки и колыхающийся в воздухе хвост с острым шипом на конце. Этот шип был самым грозным оружием гарпий, потому как у его основания находились ядовитые железы. Каю доводилось видеть раны, нанесённые таким оружием. Они затягивались долго и болезненно, и даже зажив, оставляли страшные шрамы, которые по временам беспокоили своих обладателей.

Кай приподнял самострел, стараясь даже не дышать, направил на гарпию, стал прицеливаться... И в этот момент вдруг вспомнил, что стрелы в нём нет. Вид гарпии, внезапное её появление, совершенно выдули из его памяти этот очевидный факт. Он моментально позабыл, что только что израсходовал стрелу на ворону.

Кай сдержал рвущийся наружу хрип и медленно, очень медленно и аккуратно достал из колчана другую стрелу.

Гарпия в это время схватила приманку зубами, потянула на себя, слегка подбросила, хватая её поудобнее, оттолкнулась лапами от камня и попыталась взмыть в воздух. Естественно, у неё из этого ничего не вышло. Воловья жила натянулась, гарпию дёрнуло вниз, и она издала сдавленный, обиженный писк.

Кай почти уже натянул тетиву, даже не глядя на оружие. Вниманием его целиком завладел объект охоты. Сердце Кая бешено колотилось, в кровь ударил адреналин. Ему не терпелось поскорее расправиться с этой тетивой, которая вдобавок ещё зацепилась за что-то, и выстрелить.

Момент выстрела он представил себе совершенно отчётливо, и у него перехватило дыхание. Он уже видел, как гарпия повалится мертвая, и он подойдёт к распластавшемуся на воде существу.

Раздражённо Кай взглянул на заклинивший механизм и увидел, что туда просто попала маленькая веточка. Он нервно всхрипнул, ему захотелось со злости разбить самострел о камни, но он только достал веточку и, вполглаза наблюдая за гарпией, натянул тетиву до упора.

Охотничий азарт целиком захватил Кая. Он уже совершенно ничего не замечал вокруг.

Кай подтянул самострел к плечу. Прицелился.

И спустил стрелу как раз в тот момент, когда чей-то силуэт возник рядом.

Кай успел только дёрнуться, отводя уже сработавшее оружие в сторону. Стрела понеслась вперёд, ломая ветки кустарников.

Чья-то тень за кустами вскрикнула, дёрнулась, и повалилась на землю.

Кай резко вскочил на ноги и, тут же позабыв и про гарпию и про охоту, кинулся вслед за стрелой, продираясь через множество покрытых зеленью веток. Он выскочил на берег, поскользнулся, когда камушки поехали у него под ногами, но не упал, оперевшись о землю рукой. Кай выпрямился и быстро оглянулся.

Рядом, у самой воды лежал человек в кожаном походном костюме. Он слегка стонал и держался за бицепс правой руки окровавленными пальцами. Кай почувствовал, что на него накатывает нервная дрожь. Он быстро пошёл к человеку и звук собственных шагов, хруст кальки под подошвами сапог, казался ему громом среди ясного неба.

Этого не может быть, – подумал Кай, – я же только что стрелял в гарпию. Я стрелял в гарпию, я не стрелял в человека. Это, должно быть, кто-то другой.

Маленькая коричневая стрела валялась рядом со своей жертвой. Стрела с шариком вместо наконечника. Это была, конечно же, его стрела для охоты. Кай вдруг вспомнил про гарпию, оглянулся на камень, но её там не было, только лежала покусанная утка. Кая охватила досада, и он раздражённо посмотрел на человека, который уже не стонал и даже поднимался на ноги.

Кай припомнил все впившиеся в пузо камушки, все часы ожидания и на него накатил гнев.

Ну какого аспида ему тут было надо, а? Ему дела другого нет, только выскакивать перед носом в самое неподходящее время!

Раненый поднялся, всем своим видом демонстрируя, что ему очень больно.

Всё сильнее и сильнее распаяясь, Кай подошёл к незнакомцу.

– С тобой всё... – начал он резко, но договорить не успел.

Незнакомец развернулся и ударил его в скулу – и достаточно сильно. Кай рухнул на кальку, так что камешки больно впились в филейную часть.

– Во-первых, – с хрипотцой сказал незнакомец и поморщился, поведя плечом, – не «с тобой всё», а извини, пожалуйста.

Голос его был спокоен, но один раз всё-таки дрогнул – похоже, что Кай своей выходкой здорово его напугал, что, в общем-то, неудивительно.

– Потому что со мной не «всё», не дождёшься. А во-вторых, скажи сразу – это ты стрелял?

Кай испуганно смотрел на него снизу вверх, не в состоянии здраво оценить ситуацию.

Никто не умер, – решил, наконец, он, – это уже хорошо.

– Это ты стрелял? – повторил незнакомец голосом, в котором звенел весь холод ледников наверху.

Даже лицо его было белым, как снег – явно от испуга. От испуга – и только. Во всяком случае, серьёзного ранения видно не было.

Первым порывом Кая было тут же заявить о своей непричастности – вроде «ничего не знаю, проходил мимо, прибежал на крик». Но затем он подумал, что отпираться и врать глупо, да к тому же ничего страшного и не случилось... Вот если бы стрела угодила человеку в затылок, то вполне возможно проломила бы череп, а так – только чиркнула по руке.

– Да, я, – сказал Кай и сам поразился своему недовольному ворчливому тону.

Человек стиснул кулаки, лицо его потемнело, и он решительным шагом двинулся на Кая. Вряд ли он мог действительно избить его, потому как был явно легче – сильная худоба не предполагала мощной мускулатуры. Кроме того, он был ровесником Кая, что делало шКайы последнего более внушительными.

И, тем не менее, Кай вскочил на ноги и отступил назад.

– Я тебя не видел, какого чёрта ты выскочил! – быстро сказал он.

Человек остановился и почесал раненную руку.

– Будет ушиб, – сказал Кай. – Ничего страшного.

– Ничего страшного? – хмыкнул незнакомец и в его голосе прорезались стервозные нотки.

– Детская царапина, – добавил Кай. Он действительно так считал – детская царапина. – Покажи руку.

Незнакомец какое-то время медлил, а потом закатал рукав и продемонстрировал окровавленное посиневшее плечо. Судя по выражению лица, ему было действительно больно.

Что там, это ещё не боль, подумал Кай, у него действительно ушиб – болеть будет уже потом.

– Кожа содрана, – сказал он, – я же говорю – ерунда.

– Ты здесь один? – спросил вдруг незнакомец.

Кай хотел было ответить утвердительно (в конце концов, Лой был далеко и можно сказать, что он не в счёт), но вдруг понял, что вопрос ему не нравится. Не то чтобы он что-то почувствовал в тоне, в нём ничего не было – слова звучали буднично. Просто это был неправильный вопрос в данной ситуации. В данной ситуации этот вопрос таил в себе привкус угрозы.

– Нет, – сказал Кай, и незнакомец кивнул.

– Понятно, понятно... Деньги есть?

– Не таскаю с собой деньги в лес, – сухо сказал Кай, – видел где-нибудь рядом торговшей?

Незнакомец пожал плечами – мол, может, и видел, а может, и не видел.

– Ладно, ты в обучении?

Кай решил, что подход у его случайной жертвы деловой и внутренне этому порадовался.

– Да, – сказал он. – Академия Аши.

– Это хорошо, – глубокомысленно сказал незнакомец. – Сейчас пойдём в город – прямо сейчас и разберёмся, что с тобой делать. Короче, я подумываю о компенсации.

– До города два дня пути, – напомнил Кай, и в голове его тут же зародилось подозрение – а что этот человек здесь делает? Он хорошо одет, как обычно одеваются те, кто находится в обучении у мастеров-бехдинов. Мастера как правило не жалеют денег на своих учеников – в разумных пределах, конечно – чтобы показать всем какие они щедрые ребята. Ну, и заодно завлечь новых подмастерьев, которые сами первое время будут платить мастеру за обучение, а потом ему ещё достанется навар с их работы в мастерской.

И, тем не менее, незнакомец никоим образом не напоминал подмастерье. Если уж он таковым и был, то подмастерьем какого-нибудь дева или лесного духа. Видно было, что человек этот провёл немало времени в лесу, промышляя охотой. О последнем свидетельствовали обереги незнакомца – зубы хищников, из которых он сделал широкое ожерелье и бедренная кость за поясом, превращённая в топорик – явно что-то вроде тотема. Кроме того, на поясе его, на красных шёлковых бечёвках болталось два копыта.

Каю стало неудобно – мало ли кто ошивается в этих лесах, не зря ведь первое правило охотников гласит, что самый страшный на земле хищник – это человек...

– Ничего, пройдемся, – сказал незнакомец, – я думаю, три драхмы меня устроит...

Кай быстро, как будто это был случайный взгляд, посмотрел на ремень нового знакомого. Он ожидал там увидеть оружие – охотничий нож или гладис – короткий меч, который был в ходу у лесной братии, но ничего не обнаружил, и это ему не понравилось. Охотник без оружия – это не охотник. А значит, где-то неподалёку у него либо лагерь, где он всё и оставил, либо он тут не один, что плохо. Всякие люди бывают, и Каю вовсе не улыбалось столкнуться с целой шайкой, которая не ровен час, решит устроить над ним самосуд. Конечно, у человека был ещё топорик, но эта игрушка в расчет не шла. Впрочем, игрушка, не игрушка, а убить ей вполне можно...

Надо бы быть поаккуратнее и не поворачиваться к нему спиной, решил Кай, так будет безопаснее. А ещё надо быстрее найти Лоя – вдвоём они вполне с ним справятся, если что-нибудь пойдёт не так.

– Хорошо. Если ты хочешь, пойдём в город. Но может, тут сочтёмся – у меня есть кинжал, он стоит драхму... Ну, и мы поймали кой-кого... Наберётся, я думаю...

На самом деле Кай думал, что последствия не стоили такого шума – ничего же не стряслось, в конце концов. К тому же ещё надо разобраться со степенью его вины. Это ведь скорее просто несчастный случай...

Человек хмыкнул.

– Мне нужны деньги.

Кай покорно кивнул – деньги, так деньги, вопросов нет. Вот только он вовсе не горел желанием тащиться сейчас обратно, когда ещё так жив охотничий азарт и когда у него из-под носа ускользнула встреченная впервые за долгие месяцы гарпия. А ещё ему, конечно, не хотелось бы, чтобы кто-то узнал о его проступке, потому как в Академии его непременно настигнет наказание, а у него там и так проблемы с учёбой. Одним словом, всё сложилось очень уж неудачно и так не кстати...

Впрочем, могло ли это быть кстати?

– Пошли, где там твои друзья, захватим их и пойдём.

У Кая вдруг мелькнула надежда, что, может, у Лоя найдутся эти треклятые драхмы, тогда можно будет рассчитаться прямо здесь. Но это вряд ли – тут же одёрнул он себя. Так же как и Кай, Лой с собой на охоту денег не таскал... Да у него такой суммы в принципе быть не может – добавил про себя Кай. Деньги у него долго не задерживаются.

Он положил в колчан выпущенную стрелу и бросил последний тоскливый взгляд туда, где ещё пару минут назад сидела гарпия. Да, теперь ему придётся менять насиженное место. Сюда гарпии, скорее всего, больше не сунутся.

Незнакомец, морщась, опустил рукав кожаной куртки, и они пошли туда, где прятался в своём убежище Лой.

Лес был большим – он тянулся вдоль гор, образуя вместе с ними почти правильное кольцо вокруг огромного плато. Пожалуй, предгорья были самым красивым местом во всём обитаемом мире. Почти всё плато покрывала сухая равнина, устланная только прелой травой и пылью, где не было ни лесов, ни рощ. Реки здесь были малы и неполноводны, за исключением одной, впадающей где-то в центре равнины в обширное – до самого горизонта – озеро. Там тоже должно быть красиво – думал Кай – пахнет свежестью и озёрной водой, чайки летают над прибрежными скалами, и плачут, как здесь плачут в вышине гарпии, а на берегу раскинулись цветущие виноградники. Он никогда в жизни там не был и, в общем-то, не предполагалось, что когда-нибудь побывает. Для Лоя это было вполне реальным, потому что он был сыном ветра, а Каю – всего лишь пасынку зимы, пришедшему из-за Гиперборейских гор – это не светило.

Но, если хорошо подумать, он вовсе и не стремился туда. Прежде – да, это была его мечта, так что лет в двенадцать он даже мечтал удрать туда с каким-нибудь караваном. Это было, конечно же, простым мальчишеством и очень скоро он избавился от таких идей. Но не взросление, позволяющее принимать реальность такой, какая она есть, повлияло на него, а то, что ему открылся новый, удивительный и шокирующий мир. Именно он перевернул в Кае всё с ног на голову, или может наоборот, вернул на свои места.

Впрочем, всё это сейчас не важно – важно то, что пару минут назад он чуть не убил человека...

Но ведь не убил же, – зло подумал Кай, – почему меня должна мучить совесть, в конце концов, он сам передо мной выскочил, и я просто не мог с этим ничего поделать. К тому же он испортил мне всю охоту, почему ему необходимо было лезть туда именно в этот момент? Что, его кто-то звал что ли?

Его вновь охватила ярость на внезапную помеху, на то, что вышло всё так несправедливо... В конце концов, я заслужил этой добычи, я терпел столько дней, недель и месяцев, что просто должен был подстрелить эту гарпию.

Аспидов сын! – выругался Кай.

И, тем не менее, всё получилось именно так, как получилось, и качать права было уже поздно.

Кай подумал, каким же дураком он себя почувствует, если сейчас застанет Лоя с подстреленной гарпией, празднующего свою маленькую победу. И что он ему скажет? Очень рад за тебя, но у меня проблема, я думал, что стреляю в гарпию, а выстрелил в этого вот человека, и теперь нам нужно немедленно возвращаться в город, потому что я должен выплатить ему компенсацию...

И они, конечно же, пойдут – Лой не устоит перед тем, чтобы немедленно вернуться и похвастаться всем своей добычей. Да, а он, Кай, великий охотник, проведший в тире столько времени, окажется в луже.

Конечно, зависть, это не самое лучшее чувство. В общем-то, это и вовсе не хорошее чувство, если выходит за рамки здорового соперничества, но Кай ничего не мог с собой поделать. Он был раздосадован, обижен и зол.

Поэтому он даже обрадовался, когда обнаружил Лоя, всё так же лежащим в своей засаде.

Ветки цветущих акаций и поднявшихся на тонком слое грунта пышные папоротники скрывали его почти целиком, но Кай почему-то сразу понял, что Лой самым бессовестным образом дрых, мирно при этом посапывая. Ну прямо-таки настоящая идиллия...

Кай тихо подобрался к нему сзади и, даже не смущаясь присутствием постороннего человека, заорал хриплым басом.

– Подъём, чёрт! Быстро встал!

На Лоя было любо-дорого посмотреть. Он вздрогнул и быстро вскочил на ноги, тараша испуганные сонные глаза и пытаясь отмахнуться от полезших ему в лицо веток. В руках его был разряженный самострел, которым он целил Каю куда-то в правую руку.

– Ты чего? – ошалело прошептал он, когда не только увидел, но и узнал его. – Какого аспиды ты тут орёшь? Охоту испортишь, баран.

Кай оглянулся по сторонам озабоченным взглядом. У самого у него нервы здорово пошаливали, и отсюда возникла потребность вдруг шутить и кривляться.

– Охоту? Какую охоту? На кого это ты тут охотишься? Никак на прекрасных нимф в сладком сне, а?

Лой равнодушно-устало пожал плечами, как бы отмахиваясь таким образом от его шуток. Он явно не жалел, что прикорнул немного, и тем более его это несколько не смущало.

Но тут Лой увидел кое-кого ещё, что тут же окончательно выдуло сон из его головы.

– Здорóво, – сказал он неуверенно.

То ли охотник, то ли аспид его знает кто такой (А может, он сектант какой-нибудь? – подумал Кай. – Всякое ведь можно встретить здесь чудо...) мрачно кивнул головой в знак приветствия.

– Меня зовут Валтасар, – вдруг представился он.

– Эммм, – протянул Лой, погружаясь в лёгкую задумчивость, – очень приятно, чем обязаны?

– Мне бы хотелось попасть в Ашу. Твой друг вызвался меня проводить.

– Да ладно? – Лой покосился на Кая, – вызвался... Это потому что ты ранен? У тебя кровь на руке, кстати, какое животное тебя так?

– Лой, это я виноват... Стрела, ты понимаешь...

Лой посмотрел сначала на Кая, потом на Валтасара и тут же всё понял.

– Кай, я был не прав. Прости. Ты не баран. Ты осёл.

Кай смолчал.

– Мы бы конечно с радостью, – сказал Лой Валтасару, и в голосе его послышалось лёгкое раздражение. – Но у нас есть свои дела. Если хочешь, можешь подождать – завтра с утра мы как раз собирались вернуться...

Во вроде бы безобидных словах Лоя чётко читался намёк – иди-ка лучше своей дорогой. Не надоедай.

Валтасар это почувствовал, и на лицо его легла тень.

– Если вы научитесь отличать людей от животных и не стрелять, когда этого не нужно делать, вы можете возвращаться назад тогда, когда вам заблагорассудится. А пока вы этого не умеете, умейте хотя бы отвечать за свои поступки.

Лицо Валтасара ещё более помрачнело.

– Что ж, все добродетели делятся на три части – благие мысли, благие слова и благие дела. Ты, Кай, я вижу, решил из меня сделать праведника.

Кай не был так силён в знании добродетелей, как Лой, потому только горестно вздохнул. Иногда ему казалось, что Лой, который был и успешнее его в учёбе и превосходил в родословной, считает себя старшим братом. Кая это злило. Старших над собой он терпеть не мог.

Валтасар скрестил руки на груди.

Лой тяжело вздохнул и попросил Валтасара показать рану. Тот закатал рукав, и сын ветра презрительно хмыкнул.

– Это же царапина, – врать сын ветра умел и делал это порой с явным удовольствием. – Хорошая такая царапина – в чём проблема, я не понимаю?

– Я могу решить этот вопрос с вашим ректором, – запросто приступил к угрозам их новый знакомый.

Кай с Лоем переглянулись.

– Делать благие дела – признак верного бехдина, – мрачно сказал Лой.

На этом вопрос был исчерпан. Лой, впрочем, долго ещё ворчал, но в целом это было в его манере. Они собрали вещи, перекусили, сидя на вещевых мешках (кроме гарпий для прокорма они ловили самую разную живность, и в этот раз им повезло поймать в силки кролика и пару уток, что в изобилии плавали в верхнем озере – это полтора километра в сторону гор).

Валтасар вёл себя спокойно, перевязать царапину – хотя это было значительным уменьшением, ранка оказалась довольно глубокой, а к вечеру по руке расплзлась опухоль – отказался. Кай не переставал вполглаза наблюдать за ним – неожиданный попутчик ему не нравился. В нём было что-то мрачное, потому что он всё время молчал, а на вопросы отвечал либо коротко, отрывисто, либо кивками. Если бы он ещё оглядывался по сторонам, хотя бы иногда, украдкой, то Кай непременно пришёл бы к выводу, что незнакомец здесь не один и где-то поблизости целая шайка. Но ничего не было. Он наблюдал только за костром, где пламя ласкало поленья, потом за углями, в которых запекался их обед.

Кай утратил последнюю надежду понять, кто же такой этот Валтасар. Хотя, не исключено, ему вовсе и не надо этого понимать. Главное просто добраться с ним быстрее до Аша, расплатиться, а потом пусть идёт своей дорогой. Вычеркнуть его из памяти, как неприятный инцидент. Эта мысль показалась заманчивой, и Кай решил ни над чем не задумываться, а сделать всё именно таким образом.

После обеда они с Лоем собрали все выставленные силки и ловушки, затушили самым тщательным образом костёр. Лесной пожар был бы им обоим очень некстати, а потому они натаскали воды из ближайшего пруда – благо таких тут вообще было немало. Скалы очень медленно ползли вверх, и часто в разломах и просто углублениях скапливалась ледниковая вода, стекающая вниз множеством ручьёв.

Затем они двинулись в путь. До города Аша было действительно два дня пути, но в принципе это не имело ни для Кая, ни для Лоя особенного значения. Они отдохали от душных

давящих академских стен. После таких вылазок в лес эти стены даже не казались такими уж душными и давящими, что шло только в плюс. Путь их шёл под незначительным уклоном, но это не было заметно глазу – местность казалась просто неровной от торчавших из земли скал, корявых их обломков, и множества углублений и рощ там, где толщина грунта это позволяла.

Они двигались достаточно резво – путь куда-либо вообще кажется значительно более длинным, чем возвращение назад, но на этот раз Лой действительно взял просто-таки спринтерский темп. За день он прошли почти столько же, сколько раньше преодолевали за полтора. Ну, или за один и одну третью. Сначала Каю хотелось урезонить его, но потом он заметил измученное лицо Валтасара и тоже зашагал веселее. Ему не хотелось доставлять больше страданий человеку, которого, как ни крути, он всё-таки подстрелил. Просто ему хотелось со всем этим покончить скорее. К тому же ночь приближалась... и опять же – разные люди разгуливают в предгорьях, ох разные... А их попутчик вовсе не выглядел добродушным охотником на лис или уток.

А может далеко не всё так плохо, – подумал Кай, – может это действительно не охотник за утками, а охотник за жизненными удовольствиями? И в самом деле – люди из предгорий охотно тянулись вниз, на равнину, где была настоящая цивилизация, где можно было при наличии денег отдохнуть так, как нереально это было сделать в неприветливых предгорьях... Что ж, в идее этой было здоровое зерно...

За весь день они сделали три привала, а потом на скалы опустилась ночь. Как всегда это заняло минут пятнадцать. Сначала небо стало стремительно темнеть, а потом горизонт заполыхал закатом – ярко-красным, с золотым отливом. Словно яркая вспышка пламени прокатилась по небу, но вскоре всё погасло, и над миром заблестели ледышки звёзд.

На ночь Лой определил устроиться между трёх могучих сосен, уходящих кронами высоко в ночную синеву, где землю покрывало мягкое полотно мха. Небольшой пятачок в центре полянки от него, впрочем, был очищен. Сын ветра и пасынок зимы натаскали камней, после чего ими был разведён костёр. Ночью в этой части скал почти никогда не бывало холодно, напротив, они отличались ласковой теплотой, да и хищники здесь практически не встречались. Но разве можно отказать себе в удовольствии заснуть под слабый треск поленьев и прыгающего на них огня. К тому же им обоим было от этого спокойней. Те же ли чувства испытывал Валтасар – неизвестно, поскольку сам он об этом не высказывался.

Пужинав остатками кролика, запив всё отваром из собранных листьев они, наконец, улеглись спать.

Кай ещё спросил у Валтасара как там его рука, но тот лишь огрызнулся в ответ, и стало ясно, что без особой необходимости его лучше не трогать. Ни плащ-палатки, ни чего-либо ещё у Валтасара не было, а потому он просто положил под голову свёрнутую в кулёк куртку и так заснул.

А вот Кай заснуть не мог долго.

Он лежал на спине, устремив взгляд в чистое ночное небо, синее, как купол Софейской Базилики. На нём не было видно ни единого тёмного размытого пятна облаков, и звёзды мерцали, как самоцветы.

На западе Кай увидел спрятавшуюся за кронами почти полную луну, называемую Необеей, где видны были следы от ног богов. Луна была тоже синей и холодной, так что Кай сразу почему-то вспомнил, как в детстве мучался вопросом – как жители верхнего мира могут ходить по ней, не застудив ног. Тогда он, кажется, решил, что они шьют себе сапоги из шкуры яков. Впрочем, сейчас Кай уже не очень верил легендам – во всяком случае, части из них.

Заснул он с мыслью, что скоро со скорбного лика луны полностью сойдёт земная тень и тогда она предстанет пред миром во всей красе.

То будет ночь полнолуния.

ГЛАВА 2. Переход

Разбудил Кая кто-то настойчиво трясущий его за плечо.

Кай открыл глаза, но увидел перед собой лишь темноту. Тогда он перекатился на спину, и на фоне уже начавшего светлеть неба увидел тёмный силуэт. Впрочем, было уже достаточно светло, чтобы ничего не терялось за призрачными тенями, и он почти сразу разглядел в силуэте завёрнутого в плащ Гая.

Кай резко поднялся на локтях и бросил встревоженный взгляд на своих попутчиков.

– Спят как барсуки, – шёпотом сообщил Гай – сын земли.

– Ты чего? Что тебе надо?

Сын земли выпрямился и посмотрел на Кая сверху со строгим покровительством.

– Разговор есть. Пошли, отойдём, а то этих разбудим.

И он, не вдаваясь в подробности, скрылся за стволами сосен. Кай протёр лицо ладонями, вылез из плащ-палатки, ёжась от утренней прохлады, захватил с собой куртку и устремился вслед за попутчиком.

Гай дожидался его у склонённых к земле ветвей высокой чёрной ели.

Он остановился перед сыном земли, напяливая куртку.

– В чём дело? Как ты меня нашёл?

Гай скромно пожал плечами.

– Работа такая.

Второй вопрос действительно был глупым – попутчики, когда им надо, находят всех и везде. Он ведь и сам был попутчиком, хотя только начал постигать премудрости этого дела. Но вот второй вопрос оказался открытым – зачем это он вдруг мог понадобиться Гаю ни свет ни заря?

Тот неуверенно потоптался на месте, но почувствовав нетерпение Кая всё-таки начал.

– Рустам Тимурович просил тебе пока не говорить об одной вещи, ну... – он замялся. – Ты знаешь, я думаю, раз уж ты с нами, то должен знать... Имеешь право. Дело в том...

– В чём? – автоматически сказал Кай.

– Видишь ли... Есть версия, что кто-то проходит серыми башнями без нашего контроля.

Кай весь превратился в слух – все, что касалось перехода и серых башен его всегда интересовало. Ну, или, во всяком случае, те полгода, что этот новый мир открылся его глазам.

– Ну и?..

– Но тут не всё так просто... Знаешь что, давай-ка поговорим в другом месте.

– Там что ли? – многозначительно спросил Кай. – А если Лой проснётся, а меня нигде рядом не будет – как я потом это всё объясню? Что я сомнамбула и гуляю во сне?

– Никто не проснётся, ни Лой, ни этот ваш новый знакомый. Я об этом позаботился.

Кай успел удивиться, что попутчик так быстро оценил ситуацию и уже знает о Валтасаре, но потом подумал, что ничего удивительного в этом нет. Вот Рустам Тимурович – тот откалывает по-настоящему сумасшедшие штучки.

Онс вздохнул.

– Ну ладно, пойдём.

Попутчик кивнул безо всякого интереса на лице, и Кай не смог интерпретировать это его выражение.

– Идём, – сказал он.

И они пошли.

Кай запрокинул голову, раскинул в сторону руки, представил что летит. В этом приёме не было никакой необходимости – только ему самому было от этого как-то проще. Как будто уходит он сам, а не серые башни затягивают его с непреодолимой силой.

Мир загудел, задышал беззвучно – Кай чувствовал каждым миллиметром своего тела этот гул и это протяжное дыхание, точно воздух набухал и истончался вокруг, позабыв как-то сразу всю институтскую физику. Он был плотен и в то же время прозрачен, иллюзорен... Он затягивал в себя.

Он затягивал Кая и всё вокруг. Тугая перепонка между реальностью и тем, чему Кай не мог подобрать названия, лопнула, взвыл рядом с ним сильнейший вихрь, но видно было, что ни одна веточка вокруг не шелохнётся от этого шквального ветра. Потому что он существовал только для двоих попутчиков. Ветер загрохотал по скалам и оторвал Кая от земли, словно ледяная колесница, словно что-то очень знакомое, но давным-давно забытое. Он полетел вперёд и вверх с такой скоростью, что мир вокруг растаял, оставив лишь вдали горные склоны и могучие серые башни на них. Для других, если бы нашёлся в скалах поражённый зритель, Кай растворился в воздухе, но на самом деле мчался стремительно через весь обитаемый мир, через всё плато туда, где башни своими шпилями царапали лазурь небосвода.

Ему казалось, что безумные снежные кони несут его, и ледяной ужас прокатывается свинцовым шаром от головы до самых кончиков пальцев ног. И ледяное дыхание рядом. И ночь. Словно всё это было уже однажды.

Но вот он достиг цели – серая башня налетела на него, как гарпия на добычу, и на короткое мгновение Кай увидел перед глазами покрытые слоем льда каменные блоки. Он заорал от ужаса – Каю ещё не удавалось ни разу сдержать крик – ему казалось, что сейчас он разобьётся о камни, и страх этот не было возможности вывести ни чем – ни время, ни привычка не были над ним властны.

Но он не разбился. Камни превратились в серую пелену в самый последний момент, и мир вокруг просто погас.

А потом кто-то с силой стиснул его плечо.

Кай почувствовал, как ноги коснулись земли, холод обдал лицо и руки. Он моргнул, мотнул головой, пытаясь прогнать темноту в глазах.

– Тут и правда темно, – хрипло сказал Гай, отпуская его плечо.– Лампочку вывернули.

Голос отразился от стен, и он понял, что находится в подъезде Гаева дома. Каким-то невероятным образом попутчикам удавалось уходить именно туда, куда было необходимо. Пока Кай не овладел этим искусством, путь ему настраивал рату, да и, откровенно говоря, он не думал, что самому ему это когда-нибудь удастся. Ученик из него получился из рук вон плохой.

– Сейчас, – Гай принялся рыться в карманах, что было ясно по звуку, – куда же... а, вот!

В подъезде щёлкнуло и дверь квартиры Гены Иглова, которым был в этой жизни попутчик Гай, осветилась белым кружком света.– Подержи, – он вручил Каю фонарик и принялся тормошить карманы кожаной куртки в поисках ключей.

Сам Кай оказался в толстой «аляске» синего цвета и вязанной лыжной шапочке. Здесь же зима, вспомнилось ему, поэтому и одежда такая. Да, на дворе, а если быть точным, на маленьком московском дворике стояла холодная, трещащая от мороза зима. Мир не любил, когда люди гуляют как по бульвару между его частями, но более всего он, по-видимому, не терпел проникновения любых предметов. Потому что они претерпевали изменения согласно внешним условиям или заменялись аналогами при переходе. Менялись и сами люди. Исчез у Кая бронзовый загар – кожа стала даже не смуглой – просто белой, потяжелели черты лица, посветлели волосы, а глаза из карих стали почему-то пепельно-серыми.

Но вот связка ключей звякнула в руках Гены, и он отпер свою квартиру.

– Уроды, – первым долгом сообщил попутчик, когда переступил порог.– Постоянно то вывернут, то разобьют. Мелкая шпана какая-то тут шастает...

Кай вошёл следом и закрыл за собой дверь. Ему вдруг вспомнилось, как он в первый раз полгода назад попал сюда.

«Я такого места никогда не видел», сказал он тогда, оглянувшись.

«Повезло тебе, – безо всякого выражения отозвался Гена и Кай в первый раз не понял, что он имеет в виду. – Ну что же, – он захлопнул дверь, и холод подъезда отрезало как ножом, – как говорится – милости прошу к нашему шалашу».

«Ничего себе шалаш, – искренне поразился Кай».

«Да ну тебя, это такое выражение. Образное».

Тот день был днём рождения Толика – другого попутчика, так что Кай попал сразу «с корабля на бал». Теперь это двойной день рождения. Потому что тогда Кай родился для этой жизни.

«Здесь меня зовут Гена, и не думай даже называть меня Гуном или что-нибудь говорить про Ашу... Потом из психушки тебя доставать замаешься. Фамилия Иглов. Отчество – Викторович. Ты... ну, для начала... Саня Ленин, – Гун почему-то фыркнул. – Если с кем-нибудь столкнёшься, разговоров не заводи – ты будешь очень замкнутый и необщительный, усёк?»

«Что сделал? – растерялся Кай».

«Усёк», значит «понял». Понял?»

«Усёк».

«Молодец, быстро схватываешь. Тебя и Рустам Тимурович хвалил».

«А Рустам Тимурович это кто? – спросил Кай, который тогда чувствовал себя как во сне, и поражался какой это сон реальный и необычный. Впрочем, он уже тогда знал, что не спит, но ещё не хотел с этим соглашаться. На это ему нужно было хотя бы какое-то время».

«А Рустам Тимурович, это... ну, как тебе сказать... Он знает всё. Он тебе поможет тут освоиться, устроиться как-то на первое время».

«Не нужно, – запротестовал вежливый Кай, которого такая забота, честно говоря, немного испугала. – Я тут всё равно надолго не задержусь».

«Открою тебе глаза на страшную истину, – вздохнул тогда Гена, – ты думаешь, что сам научился „уходить“, а это не так. Мир тебя выталкивает. Ты вырастаешь из него, тебе становится тесно в нём. Мир как операционная система, которая не справляется со слишком много весящей программой. Программа – это ты, и твой мир уже не может тебя переварить, он тебя не вмещает».

Кай не знал тогда, что такое программа и операционная система и потому великий изобразительный талант Гены лишь потряс воздух. Кай уловил только одно слово – «тесно»...

«А почему? – спросил он».

«А по кочану, – безразлично ответил Гена, – не знаю. Спросишь у Рустама Тимуровича. Мне все эти тайны мироздания до лампочки».

«Что такое лампочка? – спросил не в меру любопытный в тот день Кай»...

Тогда в Москве было лето, часы с маятником на стене показывали полдень, и солнце нещадно жгло гигантский город. Жар опускался сверху, пыль поднималась от земли и люди задыхались, исходили потом в пробках по дороге загород.

Гена скорчил мученическую мину.

«Ну, как с тобой разговаривать? – посетовал он. Встал, подошёл к торшеру, вывернул из него лампочку, продемонстрировал Каю. – Вот, пожалуйста – лампочка Ильича».

«Ух ты, – восхитился Кай, которому лампочка напомнила колбу в химических лабораториях Академии, – а что она делает?»

«Горит, – мрачно сообщил Гена, – ладно, забудь...»

Но Кай почему-то не забыл. Наоборот – воспоминание необычайно ярко польхнуло в голову. Как будто это было вчера. Или минуту назад. Очень непростую минуту, ушедшую на тяжёлые раздумья. И главное, всё здесь было как тогда. В квартирах у холостяков никогда ничего не меняется. Всегда здесь царит некий упорядоченный беспорядок, если конечно хозяин непедантичен. Может быть, Кай и не был опытен в таких вопросах, чтобы судить (сам-

то он всю сознательную жизнь прожил в общежитиях Академии, где за порядком следил суровый, похожий на мумию комендант), но он так думал.

– Ген, давай сейчас быстро разберёмся, что ты мне хотел сказать, – в настоящем времени произнёс Кай, отделавшись от секундного, промелькнувшего в голове воспоминания, – и я пойду уже.

– Хорошо, хорошо... Деловой ты наш.

Эта присказка «ты наш», которой могло предшествовать «деловой», «умный» и многое другое, передающее сарказм и заботу одновременно, перекочевала к Гене из старого советского кино «Гараж», где неоднократно повторялась Валентином Гафтом. Фильма Кай не видел, но об этом ему сообщила Карина, дочь Рустама Тимуровича, которая претендовала на роль психолога и хозяйки-покровительницы всех попутчиков.

Гена прошёл в комнату. У него была небольшая двухкомнатная квартира, обставленная весьма скупо. Каждому вошедшему сразу бросался в глаза бок широкого дивана, который открывался за узким коридором, в комнате. За диваном на подоконнике в гжелевом кувшинчике стояли жухлые цветы, неизвестно кем принесённые, а часы, которых сразу оттуда же видно не было, по-прежнему мирно тикали.

– Ты проходи, садись.

– Разговор будет длинный? – сказал Кай зевая. Его вдруг сразу стало клонить в сон. Наверно подействовали тепло и уют московской квартиры Гены. За окнами было темно, и виден был только снег, занёсший снизу стекло. А внутри было хорошо натоплено, ярко горел свет, а на журнальном столике стояла бутылка пива и статуэтка.

– Нет, почему... Сейчас по-быстрому разберёмся, – Гена зачем-то взял со стола медную статуэтку – мужика, пытающегося сделать вид, что он есть божество античности. – Ты знаешь что-нибудь о мироздании? – неожиданно спросил он.

Кай хмыкнул, изучая неудачную статуэтку глазами.

– Это риторический вопрос?

– Нет. Обычный.

– Ничего себе, обычный. Нет, я ничего не знаю о мироздании... То есть, конечно, знаю, что со времён Магеллана Земля круглая. До этого она стояла на черепахе и трёх слонах.

– Ага. Я, собственно, вот о чём. Тебе Рустам Тимурович рассказывал о мире?

– Есть мир Аши, а есть мир планеты Земля. Между этими мирами стоят серые башни и только через них можно переходить из одного мира в другой.

Гена покачал головой.

– Неправильно. Ты же умный человек и должен понимать, что мир только один. В конце концов «мир» это только понятие, определение для всего того, что есть. То, что окружает нас – моря, океаны, континенты. Планеты, вселенные, в конце концов... И эта планета и твоя – это мир. Один, цельный и нераздельный.

Кай, успевший уже было задремать, приоткрыл сонные глаза. В глазах этих, впрочем, промелькнула искра не затуманенного дремотой разума, и даже доля заинтересованности.

– Земля – это одна, а Аша вторая часть нашего мира. Они разделены границей горного кряжа, где тысячи лет назад были возведены серые башни. Кем возведены и когда – не знает никто. Эта тайна похоронена во тьме веков, хотя кое-кто и говорит о неких Зодчих... но, мало ли, о чём рассказывают легенды. Обычным путём – по земле, карабкаясь по скалам, героически преодолевая ущелья и горные реки, попасть туда нельзя.

Нельзя? Но он же попал? Впрочем, Гена не знал этой истории. Кай и сам её толком не знал, потому что когда он очнулся после почти недельной лихорадки, память его не сохранила ровным счётом ничего. Кроме того, что теперь он воспитанник Академии, поскольку брать под крыло несчастных сирот – это благо.

– Башни это... Ну, как тебе сказать – что-то вроде параллелей и меридианов на глобусе. Они есть, но только в нашем воображении.

– А почему тогда все могут видеть эти воображаемые башни? – быстро спросил Кай, пока Гена не успел углубиться в дремучие дебри собственной философии в которых сам чёрт ногу сломит.

– На глобусе всё тоже видно, – нелогично ответил Гена. Однако попутчик, похоже, был занят совсем другим и плевал на такие мелочи.– Тысячи лет эти башни стоят нетронутыми, пока однажды не зарождается в их глубине искра жизни. Тогда начинает расти древо. Башня оживает. Эта искра – человек, наполняющий всю башню. Он становится её единственным хозяином, единственным владельцем. И только он может пересекать горы, даже больше этого – уходить в другую половину мира, пересекать меридиан. Только он один – больше никто.

– И у каждого из нас есть своя башня, я это знаю, – сказал Кай, – Рустам Тимурович мне рассказывал.

– Да. Вот как раз в этом-то и заключается основная проблема... Ладно, сначала продолжим. Ты знаешь, что люди делятся на тех, кто однажды пересечёт меридиан и тех, кто не делает этого никогда...

Кай опять задремал, навёрстывая свой прерванный прелюдный сон, сполз и утонул в кресле. Гена настырно тряхнул его за плечо.

– Ладно, давай я буду говорить покороче. Дело вот в чём. Это в первый раз заметил Серёга. Тогда было его дежурство – волшебник хотел поставить Толика, но у того личные трудности, он отпросился... В общем, кто-то пересекает черту так, что мы не в состоянии его вычислить.

Кай бессмысленно посмотрел на попутчика.

– Ты же говорил, что вы всё держите под наблюдением, что ничто не способно пройти башнями так, чтобы вы этого не заметили...

– Да, был такой разговор... Видишь ли, в чем дело – наша работа просто сопровождать тех, кто вдруг понял, что может переходить из одной половины мира в другую. Этим людям всегда нужна помощь, чтобы они не сошли с ума... Хотя, что я тебе говорю, ты сам знаешь. Мы не наблюдаем за ними самими – тогда пришлось бы следить за миллиардами людей Земли и сотнями тысяч Аши, мы смотрим за башнями. Когда башня оживает, мы узнаём, что кто-то вот-вот отправится в путь. Тогда мы идём вместе с ним... Вот как раз по этой самой причине и возникла такая ситуация, что мы не можем найти этого человека. Башня принадлежит только одному, вернее так должно быть и так всегда было, но теперь что-то изменилось... Теперь в скалах гудит ветер. Горы начинают рушиться, и я боюсь, что Ашу скоро постигнет изменение климата, причём очень серьёзное... Короче, кто-то пользуется чужой башней для перехода.

– Но это же невозможно.

– Невозможно. Или, во всяком случае, раньше было невозможно. Как ты метко подметил, до Фернана Магеллана Земля стояла на трёх слонах и черепахе, плавающей в мировом море. Потом всё изменилось. Ничто не постоянно в подлунном мире – только небо... и то умудрились продырявить.

– Что-то изменилось? – старательно фокусируя мысли, сказал Кай.

– Климат меняется, – повторил Гена.

– Э-э?

– Не мы выбираем башни, а они нас – мы лишь наполняем их. Причём наполняем самими собой. Они притягивают и пугают нас одновременно. Башни – это портал, коридор между мирами, пройти которым способны единицы. Даже те, кому не суждено переступить черту чувствуют это. Вот как ты думаешь, почему люди напридумывали про башни столько страшных легенд... И притягательных?

– Потому что не могут объяснить, откуда они – всё необъяснимое требуют рациональной оценки... Или иррациональной, если слабо... – вспоминая какую-то лекцию, глубокомысленно объяснил Кай. – В то же время всё это порождает страх и трепет, а всё, что страшно и заставляет трепетать притягательно. Все любят острые ощущения – это как наркотик.

Гена выслушал внимательно, не перебивая, но комментировать выступление Кая ни как не стал. Самому Каю казалось иногда, что он его попросту игнорирует.

– Когда башня цепляет человека, – продолжил прерванную умным Каем речь попутчик, – начинается притяжение физическое и его невозможно преодолеть – человек становится над ним не властен. Но башня всегда цепляла одного. Всегда. Это как закон природы – как снег зимой и солнце летом. Башня индивидуальна, и её индивидуальности хватает только на одного.

– Ну и...

Гена оценивающе посмотрел на Кая, как будто его очень волновала реакция начинающего попутчика. Но Кай не подавал никаких признаков волнения, изумления и прочего, а просто слушал и поэтому Гена закончил.

– Кто-то использует твою башню, чтобы совершать переход.

Лой проснулся довольно-таки рано, хотя и не в четыре утра, когда вскочил Кай. Он подошёл к попутчику и тихо потряс его за плечо. Кай, который не смыкал глаз с тех пор, как вернулся обратно, притворился разбуженным и посмотрел на Лоя фальшивым сонным взглядом.

– В чём дело, ты чего?

– Тс-с-с, – прошипел Лой, – шёпотом давай, шёпотом...

– В чём дело? – повторил Кай шёпотом, как было велено.

– Этот, как его там... ну, тот, которого ты вчера подстрелил...

– Валтасар?

– Да, Валтасар. Я проснулся ночью... Короче, приспичило меня... Прохожу мимо, смотрю – а этого нет.

Кай сразу перестал притворяться сонным, откинул плащ-палатку, вскочил на ноги. В стороне, рядом с потухшим костром мирно спал Валтасар. Хотя, впрочем, мирно, это не совсем точное определение – решил Кай – Валтасар спал мёртвым сном. Лицо его было блее снега и казалось лицом каменной статуи. Кай на секунду подумал было, что с ним и правда что-то случилось, но увидел, что Валтасар дышит и успокоился.

– Сейчас он здесь, – быстро зашептал Лой, – вернулся...

Кай посмотрел на сына ветра недоумённым взглядом.

Лой ответил напряжённой полуулыбкой.

– Но самое странное, – сказал он, – когда я пошёл к тебе, чтобы сказать об этом, тебя тоже не было.

Кай не нашёлся с правдоподобным ответом – он просто по-прежнему смотрел на Лоя, не меняя выражения лица. Ясно, по крайней мере, было одно – Гена серьёзно опростоволохился.

– Знаешь, что я подумал в первую очередь? Что этот утащил тебя куда-нибудь, там убил и скинул в пропасть. Я даже думал, что сейчас он вернётся за мной и мне горло перережет или проломит череп своим томагавком... Потом сходил по делу, совсем стало неважно, смотрю – вы оба тут. Ты мне честно скажи – мне приснилось или нет?

– Не знаю, – сказал Кай. Врать он не умел, и когда нужно это было делать, вечно лепетал что-то невразумительное.

Лой смотрел на него с подозрением и некоторой нервозностью.

– Вы куда-то ходили поболтать? Друзья этого раненого, что ли, приходили?

– Никто не приходил. Тебе приснилось, – сказал Кай, надеясь хотя бы пока не влезать в объяснения. – Спи.

– Нет уж, я теперь не засну. Мало ли кто тут рядом шляется...

– Да никого тут нет, – зло прошипел Кай, – хватит, дай человеку поспать! Без тебя тут...

Ладно, спи, спокойной ночи...

– Спокойного утра, – мрачно сказал Лой.

Он отошёл к своей плащ-палатке, лёг на неё, заложив руки за голову.

Кай тоже устроился поудобнее и опять притворился, что спит. Вот ведь незадача – когда он разговаривал с Генной, его упорно клонило в сон, а теперь последние остатки сонливости напрочь выдуло из головы. На самом деле – куда это мог отлучаться этот странный товарищ? Туда же куда и Лой? Да хорошо бы, вообще-то, если так... Когда сам Кай уходил – он ещё был на месте, а вот когда вернулся... А вот когда Кай вернулся, он как-то не удосужился посмотреть, на месте ли их новый знакомый... Честно говоря, ему в тот момент было не до этого. В сторону спящих Лоя и Валтасара он не бросил и взгляда... Да было и темно. Пропала за стянувшимися облаками неполная пока ещё луна, попрятались звёзды.

Кай перевернулся на спину, притворяясь, что ворочается во сне – почему-то ему не хотелось демонстрировать сыну ветра, что он не спит. Он стал смотреть в небо, стараясь не думать больше о Валтасаре и о том, кем он может быть на самом деле. Зачем забивать голову ерундой, когда ни один грабитель не позарится на бедных подмастерьев? На самом деле – какой в этом резон? Нападать на них нет никакого смысла – можно только нажить проблем. Вряд ли в городе кто-то поверит, что двое молодых людей, не единожды совершавшие такие вылазки вдруг пропали без вести... Не то чтобы их судьба кого-то очень сильно заботила, просто разбойников в одном-двух днях ходьбы от города никто видеть не желает. Вполне возможны поиски, а если найдут тела, то пехлеваны армии Совета, которые называют себя Золотой или Огненной Тысячей, наверняка облазят все предгорья и вздёрнут на ближайшей сосне всех подозрительных индивидуумов без суда и следствия. Такие облавы хоть и редко, но проводились Советом Дагур. Так, для профилактики...

Успокоенный этими мыслями Кай почувствовал себя в безопасности. Откровенно говоря, ему вовсе не доставляло удовольствия чувствовать себя в опасности там, где он уже привык ощущать себя хозяином. Так близко к городу люди со спокойной душой могли ночевать под открытым небом. Тут даже и крупных хищников-то не водилось. Нет, инциденты, конечно, всякие бывали. Мало ли кого может пригнать сюда голод или более сильный грозный охотник. Как-то, когда Кай ещё был только на втором году обучения в Академии, ходила по городу история, что некоторые охотники видели крупного зверя Уро, заросшего с ног до головы длинным подметающим землю мехом. Кто-то доказывал на пьяную, должно быть, голову, что лично знаком с человеком, чей знакомый слышал, как его знакомый наблюдал этого зверя Уро в лесу и как тот поймал за задние ноги яка, а потом перекусил его надвое. Скоро, правда, Совет на всякий случай стал искать свидетелей сих необычайных событий, но так никто и не выискался.

А потом все эти разговоры наскучили и сами собой сошли на нет.

Теперь Кай почувствовал в груди холодную ледышку страха, как будто зверь Уро крадёт где-то поблизости, водит в предутреннем воздухе носом, ищет себе добычу... Но всё это была, конечно же, ерунда, никакого зверя Уро нет в природе, а если есть, то пусть отрежут мне мой язык. Это такая же сказка, как и темные следы богов на полуночном лице луны – даже двух лун – Азиры и Необеи. Всё мифы – ложь. Лишь тени после рассвета и перед наступлением дня.

И только длинные иглы серых башен далеко на востоке, так что их не видно отсюда – правда... и не те они, что о них говорят лжецы. Они поднимают тех, кого выбрала судьба, тех, чей благой дух фраваша повлёт в этот необыкновенный путь. И вот уже брэнное тело истаивает в воздухе, поднимается вверх, словно и тела уже нет, а есть только душа и фраваша, ведущий душу к её предназначению. Они идут в ночной тьме. Башни манят и зовут. Слышно их влекущую песню, в которой путник теряет самого себя, а потом понимает, что слов в этой песне нет, как и мелодии. Что это только мелкая дрожь той тонкой грани, что разделяет его

и мир меридиана. Но когда он понимает – уже слишком поздно и он уходит... Каждый раз зная, что однажды уже не возвратится никогда.

Так люди умирая, уходят в другой мир, но они умирают лишь раз, а не постоянно, в ожидании своего последнего перехода... Кай беззвучно усмехнулся своим мыслям. Пять за ораторское искусство. Жаль учителя в Академии его не слышали.

Он заворочался и понял вдруг, что за всеми этими мыслями его всё-таки повлекло в сон. А потом глаза сами собой закрылись, и он уснул, видя лишь какие-то обрывки сновидений, которые сразу растворялись в памяти.

Проснулся он от громких разговоров Лоя с их новым знакомым. Валтасар больше не огрызался, а вёл себя великодушно-снисходительно. Про свою руку сам он даже не вспоминал. Кай сначала не хотел просыпаться, голоса над ухом казались чем-то неприятным, а потом сонливость разом свалилась с него, и он с наслаждением потянулся.

– Ты бы листья какие-нибудь вчера приложил, – вспомнил подобревший Лой. – Опухоль снять.

– Ничего, если сильно болит, то руку всё равно нужно резать, – то ли серьёзно, то ли в шутку сказал Валтасар, – а если терпимо, то ладно...

Кай поднялся. Мысль об отрезанной руке сразу ему не понравилась и испортила всё настроение. К аспиду такие шуточки с утра пораньше, – подумал он.

– Проснулся, барин? – ележно обратился к Лой. – То-то твои холопы заждались. Пора в путь-дорогу, пора, барин.

Кай от него отмахнулся, встал, сложил плащ-палатку в тюк и потащил себя умываться. Рядом бил родник с чудесной ледяной водой, искрящейся на солнце. Кай набрал пригоршню в подставленные ладони, терпя прокатывающуюся по телу дрожь, умылся, резко плеснув себе в лицо. Потом стащил с себя рубашку, окатил всю голову, плечи, спину, вздрагивая, отфыркиваясь, но получая необыкновенное удовольствие.

Умывшись, он вернулся к их стоянке. Оказалось, что Лой уже успел развести заново костёр и запечь в углях лепёшки. Интересно, а он всё-таки уснул сегодня или сон оставил сына ветра? Может и так. Всё может.

Кай подумал, что самое время придумать какое-то оправдание насчёт его вчерашнего отсутствия, но ничего в голову не лезло. Вчерашнее враньё показалось неловким и неудачным. Как теперь отвираться, интересно знать? Не скажешь же на самом деле, что вот, мол, покинул пределы мира видимого и побывал в мире невидимом, яки дух благой перелетев по небу?

Но Лой вопросов пока не задавал, хотя это можно было объяснить всего лишь присутствием Валтасара, с которым тот хоть и вёл непринуждённые беседы, но наверняка по-прежнему его опасался.

Валтасар со вчерашнего дня стал выглядеть заметно лучше. Рукой двигал свободно, словно никакого ушиба там в помине не было, смеялся, улыбался – вполне себе крепкий и здоровый молодой человек. Кровь с молоком. Видно крепкий и здоровый сон оказал на него такое целебное воздействие и вохуфриан – благодружественный огонь, горящий в телах людей, и дарующий им жизнь и здоровье запылал веселее.

Взгляд Кая вновь скользнул по диковатым оберегам загадочного знакомого, которые навесить на себя мог только человек не бывающий в городах или же попросту их презирующий. Нет, не правильный это был человек... Одежда скорее городского кроя и не такая уж поношенная... Бросились в глаза и другие детали, которые при встрече ускользнули от внимания Кая – шерстяные нити, на которых болтались обереги, коими был обмотан для красоты топор. Они были выкрашены в яркие цвета и не успели потускнеть. Кроме того, некоторые пигменты так же не изготавливаются охотниками. Тут можно строить догадки. Вообще-то километрах в двадцати к югу, по слухам, находятся могилы ещё эпохи Чёрной Империи. Причём не какие-нибудь там прорубленные в скалах пустые пещеры, а с наваленным туда богатством,

как тогда хоронили знатных, успевших наворотить на своём веку дел персон. В те годы могилы не грабили – там была приставлена специальная охрана, которая, впрочем, сама-то мародёрством не брезговала... Уже позже, в эпоху упадка, когда империя рухнула, и к власти пришёл Совет, все было разграблено до основания. Кай был уверен, что там остались одни только кости, но кое-кто промышлял и по сей день. Вокруг захоронений возникли даже маленькие деревни, человек по десять-пятнадцать, которые только тем и жили. Так может, их новый знакомый, этот Валтасар как раз оттуда? Кай непроизвольно почувствовал к нему презрение. В городе с малолетства приучали презирать расхитителей могил, и кроме скупщиков никто с ними не знался и не подавал при встрече руки. По закону в пределах города каждый такой мародёр обязан был носить на голове чёрную повязку, и если вдруг обнаруживалось, что кто-то проник и приторговывает без неё, то провинившиеся наказывались плетями.

Вот будет весело, если они с Лоем приведут с собой такого? Да ещё он заявится в Академию или к ним в общежития? Это будет позор на всю оставшуюся жизнь и из Академии их тогда выпрут за милую душу. О себе Кай не слишком беспокоился – у него в запасе имелась совсем другая жизнь, а вот Лою не поздоровится. К тому же всё случилось по его, Кая, вине...

Кай вздохнул. Выбора у него не было. Разве что стукнуть Валтасара хорошенько по голове и по-быстрому отсюда убраться. До города было рукой подать, и если Кай правильно угадал, то он за ними не пойдёт.

Пасынок зимы непроизвольно посмотрел на свои руки. Руки были почти медного цвета – загар солнечной равнины. Только ладони белые. Впрочем, всё это ерунда. А не ерунда то, что этими самыми руками Кай никоим образом не мог никого огреть по голове. Просто вот так взять ни с того, ни с сего подкрасться сзади, взмахнуть палкой или камнем и обрушить сей предмет на ничего не подозревающую голову.

Что за фигня на ум лезет, – подумал Кай.

Нет, ничего такого он, конечно, делать не будет, но если вдруг окажется, что Валтасар расхититель могил, то по морде у него есть все шКайы получить. Вина виной, но не убил же он его тогда! А с мародёром он по городу прохаживаться не будет в любом случае.

Он даст ему это понять, а если он не поймёт... Нет, он не будет якшаться с мародёрами.

Впрочем, всё не обязательно должно быть так плохо.

Кем бы ни был Валтасар, но он может оказаться человеком достаточно порядочным, чтобы в Академии не возникло ненужных мыслей. Ненужные мысли могут очень сильно подпортить ему жизнь – впереди ещё диссертация о третьем-четвёртом веках Чёрной Империи и обширный доклад перед комиссией о изготовлении хаомы – ритуального напитка, тонизирующего и полезного для здоровья. Одним словом, темы очень и очень непростые. Пока с его незапятнанной репутацией у него есть шКай... Мн-да... Настроение этих больших умов из Академии переменчиво как ветер на равнине – то они благосклонно кивают плешивыми головами, то начинаются бесконечные претензии, сопровождающиеся кислыми минами на гладко выбритых лицах. Ещё раз мн-да. У Лоя шКайов больше – его отец большой человек в городе и почти все в академической комиссии или его добрые друзья или чем-то ему обязаны. Правда дружбу с мародёром ему папка не простит. Проклянёт до третьего колена как минимум.

В задумчивости Кай посмотрел на своих спутников. Спутники уже во всю набивали ворчавшие в экстазе желудки. Не долго думая пасынок зимы присоединился к ним.

Где-то часам к двум, если судить по солнцу, маленькие рощицы вокруг закончились, равно как и отдельно стоящие деревья. Только иногда попадались подгнившие или проросшие молодыми деревцами пни. Равнина испытывала постоянный недостаток древесных материалов, потому как на ней, изъеденной песком и ветром, кроме чахлой травы и колючки почти ничего не росло. Леса же за городом в предгорьях считались заповедными и те, кто рисковал заниматься там вырубкой, вполне мог остаться без крыши над головой, поскольку за это отби-

рали всё имущество в пользу казны, и добавляли наказаний телесных, после которых не всякий лесоруб оставался жив. Метод работал и, кроме того, что уже успели вырубить, лес не тревожили. Вообще же Аша был устроен очень удачно. Стены его вырастали из самих предгорий, рядом с артелями беждинов-каменотёсов, так что дефицита в камне не было и не приходилось рыть карьеры, как то имело место в других городах.

С гор сюда спускалась вода, и пышные сады распустились в городских стенах. Головы иных умных людей уже бередили идеи вырастить свой собственный промысловый лес и даже устроить водопровод, чтобы торговать водой с соседями. Если последняя мысль встречала вполне оправданный скепсис, то первая вызывала у Совета только энтузиазм. Аша всегда стремился иметь на Оловянном озере свой флот, и лишь недостаток древесины мешал воплотить в жизнь эти мечты.

Впереди показались небольшие Восточные Ворота, самые маленькие из имеющихся семи и, пожалуй, самые незамысловатые. Их не украшали квадратные башенки и алые знамёна, не стояли на парапетах каменные статуи, которые, казалось, вот-вот обрушатся вам на голову. Это была просто арка, на ночь закрываемая железной решёткой.

Через эти ворота ходили только охотники, возвращающиеся с добычей или без, из леса. Сразу за воротами, на верху которых скучали стражники, начинались дома артели охотников, фактических монополистов своего дела, руководил которыми человек из второй ступени Совета. Для того чтобы получить права на охоту, требовалось разрешение артели, которая брала долю от улова. Вырученные средства почти всегда шли в казну, а самой артели мало что перепало.

По обе стороны неширокой пыльной дороги, ведущей в утробу ворот, между камнями росли кустарники и деревья, не насаждённые людьми, а выросшие тут самостоятельно. От них исходил пышный, одуряющий запах лавров и роз, а среди кровавых пятен цветов поднимались корявые ветви смоковницы.

Здесь было заметно теплее, чем наверху. Приятная прохлада сменилась сухим теплом. Позади остались сосны, ели и осины, перебравшиеся сюда с той стороны гор – лес предгорий проник в них через ущелья в скалах и потому так разительно отличался от растений равнины. Там за горами было холодно. Никто не знал этого доподлинно, не видел своими глазами, но постулат этот не подвергался сомнению ни кем и ни когда с тех пор как император Чёрной Империи отправил в горы экспедицию. Ни кто оттуда так и не вернулся. Были даже сформированы поисковые отряды, которые впоследствии были названы пасынками зимы, и имя это стало названием одного из путей Академии. В любом случае из-за гор в обитаемый мир проникал только холод, и ветер грохотал в глубоких ущельях, напоминая громовые раскаты.

По мере того, как они приближались к воротам, Кай испытывал всё больше и больше внутренних терзаний. Ещё немного, и они не смогут уже ничего исправить. Если Валтасар достанет сейчас перед Восточными Воротами чёрную повязку и завяжет её на голове, то вместе с ним они и войдут внутрь и все (а тут очень много их знакомых охотников) увидят это. Кай уже предчувствовал каждую секунду страшного позора, который вот-вот должен обрушиться на его голову. Наступал момент истины.

Они приблизились к воротам, и вот уже тень каменной арки накрыла их, спрятав от лучей горячего солнца. Валтасар не проявил ни малейшей тревоги. Он шёл в город как хозяин, только лениво глядя по сторонам немного любопытным взглядом, таким словно он не раз уже тут бывал и теперь просто узнавал то, что видел прежде.

Кай сдержал лёгкую улыбку. Станные какие-то мысли в голову лезут. Да, этот Валтасар необычный человек, слишком уж загадочный, а загадочных в предгорьях не любят, мало ли, что у них на уме. Но он ему, в конце концов, не кум, не сват, а значит всё в порядке. Сейчас они расплатятся с ним и никогда больше не увидят.

Ворота остались позади, а чёрная повязка так и не появилась на голове Валтасара. Кай вздохнул свободнее. Что же, теперь осталось только дойти до Академии, а там и дело с концом.

По обе стороны городской улицы стояли небогатые дома и лавки, преимущественно торгующие охотничьими ножами, стрелами и шкурками животных. Кто-то из знакомых поздоровался с Каем и Лоем, кинул любопытный взгляд на Валтасара, но расспрашивать не стал, и Кай был ему за то благодарен. Восточная улица тянулась отсюда к самому центру, минуя вначале жилые кварталы и форумы, протекала мимо вивариума – огромного здания в форме восьмиугольника с колоннадой, где по ночам рвали воздух над городом крики диких животных. За ним расцветали сады, в которых благоухали мирт и алоэ, а следом шёл центр города. Там, за громадой Софейской Базилики, за форумом Совета – самой большой площадью города, где некогда стоял дворец, высился острый шпиль главного здания Академии.

На маленькой Торговой площади какой-то человек в талифе потрясал в воздухе кулаком и предсказывал в скором времени приход дева-дракона – древнего ящера из металла. В основном его игнорировали, но кто-то останавливался и очень внимательно слушал, в результате чего Кай предсказал, что вскоре в городе появиться очередная секта апокалиптического толка.

Минуя самый разнообразный люд, от городских стражников и учёного вида граждан до явных мошенников и проныр, пройдя мимо артелей горшечников и хлебопёков, три спутника наконец-то вышли к форуму Совета. Весь форум был вымощен брусчаткой, по сторонам его стояли, указывая стороны света, вскинувшие головы к небу на высоких постаментах каменные львы, а в центре был создан полустёршийся мозаичный узор. Форум был залит солнцем, ни одна тень от окружающих его зданий не приближалась и к середине площади, и казалось, что камни вот-вот начнут плавиться под ногами, а весь город поплывёт в душном мареве.

Кай, Лой и Валтасар торопливо пересекли почти пустой форум – никто не горел желанием появляться здесь в такую жару, в самом начале рапитвин-гаха, периода суток от полудня и до трёх часов дня. Попутчик провёл рукой по волосам и лицу, как будто смахивая жар, и обнаружил вдруг, что волосы стали горячими, а лицо всё залито потом.

И почему так – подумалось Каю – там, наверху прохладно, выше, в горах лёд, а у самой земли жара. Казалось бы, должно быть наоборот – ведь чем выше, тем ближе к солнцу, но нет... Он взглянул на Валтасара – тот побледнел и шел, едва волоча ноги. Жара, по-видимому, больше всех давила на него.

Но вот они уже достигли высокой каменной арки ворот Академии Аша, у которой стояли почти такие же высокие каменные герои с соколами на плечах и каменные двухголовые псы, разинувшие жадные пасти. В тени ворот Каю показалось, что его окатили прохладной водой, а потом жар вернулся, и они уже быстрее пошли по внутреннему двору к подковообразному зданию с колоннами. В центре него поднималась ещё на несколько метров маленькая башенка обсерватории с длинным золотым шпилем на куполе, который при яростном свете солнца полыхал жёлтым пламенем.

В саму Академию они, впрочем, заходить не стали, а прошли широким коридором за колоннами, проходящим сквозь здание и ведущим в просторный сад. В саду росли финики и оливковые деревья, а рядом с искусственным прудом, питающимся бьющим из земли источником, извивались виноградные лозы.

За садом начинались глинобитные домишки общежитий с крышами из широких пожелтевших полотен, сорванного у реки тростника, или вовсе без крыш.

За домиками в окружающей Академию стене виднелся пролом, а за ним – старые камни стен таверны. Судя по тому, что к пролому вела протоптанная в траве тропинка, пользовались им находящиеся в обучении регулярно.

Кай нервно оглянулся по сторонам – ему не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел его здесь. Ещё, чего доброго, придется объясняться, а такого позора Кай предпочёл бы не переживать.

– Валтасар, слушай что... Ты посиди-ка пока там, – Кай указал на таверну за стеной, – я сейчас заначку достану.

Валтасар скользнул по нему мутным взглядом, молча развернулся, но пошёл не к пролому, а к пруду. На какое-то время он скрылся за кустарником, а потом оттуда донёлся плеск воды. Кай и Лой не видели, как Валтасар, добравшись до пруда, окунул туда голову по самые плечи, потом резко выпрямился, тряхнув при этом волосами и забрызгав водой одежду. Потом он протёр руками лицо, отстегнул от ремня маленькую флягу и сделал из неё жадный глоток. Измученное выражение исчезло с лица Валтасара. Щёки порозовели, а выражение глаз перестало быть мутным, словено он вот-вот готов потерять сознание.

После этого он пошёл к общежитиям, сорвав по пути с лозы крупную виноградину.

Вернувшись к ожидавшим его Каю и Лою, он почесал голову, пригладил мокрые волосы и покосился на лазурный свод неба, в котором горело безжалостное к людям солнце.

– Ладно, – сказал он, – жду.

– Я мигом, – заверил Кай.

Валтасар кивнул и скрылся в проломе стены. Там он окинул улицу заинтересованным взглядом, и зашёл в завешенный красным выцветшим полотнищем проход в таверну.

Кай выдержал несколько секунд укоризненный взгляд Лоя, не видя его – чувствуя – и поплёлся за домик, где под большим камнем припрятал старый треснувший кувшин с монетами.

– Могли бы до сих пор быть в лесу, – проповедовал за его спиной Лой, – сейчас в этом котле можно свариться заживо. Даже ветерочка нет.

Кай выгреб рукой три драхмы. Металлы, даже благородные, не пользовались на плато большим спросом. Их здесь хватало с лихвой, не то, что в том, другом мире. В другой части мира. Точно так же и драгоценные камни, которых в предгорьях было в достатке. Жаль только, просто протащить их в Москву было мало. На это предложение Кая Рустам Тимурович только отмахнулся и сказал коротко «посадят».

– Кай!

Кай выпрямился, чуть не выронив драхмы из рук.

Это не был голос Лоя. Это был голос священника-атравана.

Кай быстро подтащил к тайнику Лоя и высыпал деньги ему в ладонь.

– Давай быстро в обход и к этому. Я сейчас.

Лой кивнул и не стал задавать вопросов. Он прекрасно знал, что свои сбережения лучше держать от атравана подальше. Не то, чтобы он был вороват, просто в таком случае это не осталось бы тайной ни от кого, а среди учеников Академии попадались самые разные типчики. И иным было без разницы, что воровство это друдж – грех.

Кай вышел к атравану. Был атраван высоким худым мужчиной лет сорока с совершенно лысым черепом, весело поблёскивающим на солнце. Голова его с широкими растопыренными ушами напоминала перевернутый глиняный кувшин.

– Кай, я видел, как ты пришёл. Как охота?

Кай печально склонил голову.

Куратор сразу посуровел.

– Так. Тебя хочет видеть ректор.

Несмотря на жару, по телу Кая вдруг прокатился холодок. К ректору? Зачем это?

– Да, конечно...

Он пошёл вслед за куратором на негнущихся ногах. Неужели кто-то видел Валтасара? Неужели что-то о нём известно такое, чего сам Кай и не знает? Предположения роились в голове, но все они были одинаково мрачные. Всё дело было в том, что более чем за пятнадцать лет пребывания в Академии ректор Аиль Онто не разу не вызывал к себе на ковёр пасынка зимы.

Валтасар зашёл в таверну и сразу натолкнулся на густой и кислый табачный дым. Глаза защищало, и первые пару шагов он сделал, протирая их рукавом, вслепую. Когда зрение, наконец, вернулось к нему, и он смог различать окружающие его предметы, Валтасар увидел тесное пыльное помещение – десять человек уже казались здесь толпой, а падающий сквозь узкие окна и дыры в потолке свет оказался мутным от плавающей в нём пыли и дыма. Валтасар сделал ещё несколько шагов, сел на коврик у стены. Грязненький такой коврик. Рядом на таких же ковриках сидели другие люди и курили. По сути, любая таверна Аша была именно курильней, а уже еда и выпивка стояли на втором месте. Валтасара никто не заметил. Он двигался бесшумно в густом дыму, зависшем как туман.

Изящно как танцор из того тумана возник вдруг призрак с посеревшим от курева лицом, раздетый по пояс и со множеством татуировок. Татуированный призрак склонился над Валтасаром и тихо, но так, чтобы его было хорошо слышно, спросил, какой заказ желает сделать гость. Валтасар мысленно усмехнулся. Там, в лесных посёлках он видел совсем другие трактиры и таверны. Там были столы и скамьи, сделанные из столетнего дуба, которые здесь с лёгкой руки Совета могли позволить себе только богачи. Там царило веселье, шум, крики, и вино. Всё страшная кислятина, а то и вовсе брага или самогон, но текло оно рекой. Да, как же различались эти заведения здесь, в городе, и там, в посёлках среди диких лесов. Он ответил, что сделает заказ чуть позже, и призрак бесшумно растаял, как и возник. Валтасар облокотился на замазанную глиной стену головой, почувствовал приятную прохладу, исходящую от неё. Он вздохнул и вновь потянулся к фляге на ремне. Развязал тесёмку у горлышка, поднёс к губам, глотнул. Потом быстро завязал и вернул флягу на место. После этой незамысловатой операции голова у Валтасара сразу перестала кружиться, и густой дым перестал доставлять неудобство.

В этот момент в таверну вошёл Лой. Какое-то время он стоял в прямоугольнике света, смотрел прищурившись. Потом заметил Валтасара и, подойдя к нему, положил на коврик монеты.

– Всё? – спросил он тоном, как будто это было вымогательство или шантаж.

Валтасар только кивнул, наблюдая Лоя из-под полуприкрытых век.

Лой постоял перед ним в нерешительности, как будто ожидая, что за этим последует что-то ещё, но ничего не последовало, и он вышел, разбивая ладонью дым перед своим лицом.

Валтасар поднял руку и сделал кистью вращательное движение. Тут же вновь серый призрак возник перед ним, ожидая заказа.

– Озирского и табак, – сказал Валтасар. Он чувствовал себя почти богачом с лежищами перед ним драхмами и собирался хорошенько потратиться сегодня. Больше того, он собирался потратить всё, потому что потом уже деньги ему не понадобятся.

Призрак вновь испарился. Какой-то худой мужичок перед ним повернулся и уставился на Валтасара маленькими маслянистыми глазками. Валтасару не понравился этот взгляд, и он нахмурился, отчего лицо его стало казаться лицом статуи с высокими скулами, выточенным из гранита. Эдакий языческий бог с горящими в дыму жертвенников глазами. Мужичок же подумал, что этот молодой подмастерье или, скорее всего, бандит (ну не зря же перед ним так запросто складывают деньги), напоминает ему какое-нибудь лицо с бронзовой монеты. Он вознамерился, было отвернуться от него, но вдруг сам того не ожидая, произнёс.

– А что, за обучение деньги платят уже не ректору?

Валтасар слабо улыбнулся. Улыбка дрогнула на его губах и тут же погасла.

– Нет. Я сам отнесу деньги ректору, – лицо его вновь стало каменным, неживым, плавая за клубами дыма. – Тем более что у меня есть к нему одно неотложное дело.

– Да? Какое же?

– Я хочу его убить, – произнёс Валтасар так тихо, что только его собеседник мог услышать. – Этой ночью.

Мужичок нахмурился и отвернулся, демонстрируя всем своим видом, что шутка была неудачной. Валтасар усмехнулся, изучая его обгоревший на солнце затылок.

Впрочем, тут ему подали его заказ – прохладное вино из погреба в серебряной кружке и маленький узелок с нюхательным табаком, и он сразу забыл о мужичке.

ГЛАВА 3. Академия

Они прошли по высокой широкой лестнице, упирающейся в каменный портал, украшенный орнаментами эпохи становления империи Совета. За порталом начинался коридор, а в конце него за воздушной занавесью, словно задрнутый сиреневым туманом был вход в царство ректора. Кай чувствовал, как по спине крадётся неприятный холодок, ноги становятся ватными, но продолжают идти. Атраван, напротив, вышагивал бодрым строевым шагом, так что тога полоскалась у сандалий, создавая какую-то причудливую иллюзию полёта. Перед самым входом он, правда, остановился, посмотрел на Кая строго сверху вниз и прицокнул языком, то ли выражая удовлетворение его внешним видом, то ли смиряясь с мыслью, что и так сойдёт. Наверное, второй вариант был ближе к истине, поскольку одет Кай был по-прежнему в походную одежду и поскольку атраван горестно вздохнул перед тем, как пригласить войти вслед за собой.

Они оказались в просторной зале с купольным потолком, хранившим на себе кое-какие признаки старинной росписи, устланной циновками ярких окрасок и с полками у стен, где покоились тяжёлые на вид свитки в серебрянных и золотых, покрытых чеканкой футлярах. В стороне, вдоль купола вилась каменная лестница, уходящая в световой колодец наверху. Обсерватория – догадался Кай. Башенка Академии – символ научных знаний и мастерства всего обитаемого мира. Вокруг кабинета ректора ходили легенды, и будто именно там-то он и находился, этот загадочный кабинет, мистическая комната, объект почтения и благоговейного ужаса всех находящихся в обучении. Там, именно там горел в полнолуние яркий свет и там ректор Онто, по слухам, создавал своего гомункула из глины и древесной смолы, как боги древности. Но, тем не менее, Кай оказался приведён не в башенку – пожалуй, самую высокую точку Аша, того Аша, что лежал у подножия холма Эмпирея, увенчанного Алой Базиликой, а на вершину нижнего города простых смертных. Кая привели под купол Академии.

На небольшом возвышении сидела покачивающаяся голова с длинными седыми волосами, за которыми решительно ничего больше не было видно, так что казалось, что есть тут только эта анонимная голова, склонённая к полу и неизвестно где её туловище.

Атраван почти на цыпочках подошёл к голове и деликатно кашлянул. Седые вихры сразу задвигались, и под ними тут же обнаружилось и туловище и всё остальное, приличествующее любому человеку. Только одного не обнаружилось – ступни на правой ноге. Ректор Аиль Онто был хром.

– Ректор, вот, я привёл, – промямлил атраван и посмотрел на ректора почему-то виноватыми глазами. На всякий случай, должно быть – вдруг великий магистр знаний был занят какой-нибудь философской дилеммой.

Великий магистр взглянул на Кая старческими подслеповатыми глазами, молча кивнул. Слабым жестом узловатой кисти он велел ему сесть рядом, а кивком головы удалил из кабинета атравана. После этого голова склонилась вновь к полу, и Кай ощутил секундную неловкость. Затем эта неловкость переросла в страх, что что-то он сделал не так. Однако не успел этот страх перерасти в уверенность, как он услышал шаги на лестнице из обсерватории. Кай повернулся на звук и перед ним предстал некий человек в чёрном плаще с большим капюшоном, скрывающим лицо. Неизвестный человек быстро подошёл к нему. Внимательно посмотрел, пробормотал нечто невразумительное и затем подошёл к ректору. Тот, в свою очередь, вновь ожил, взглянул на новоиспечённого участника этой сцены. За мгновение они точно обменялись точками зрения и оба посмотрели на Кая как на некое загадочное животное, подлежащее немедленному изучению.

Кай многое бы отдал, чтобы сию секунду провалиться сквозь землю и чтобы эти двое о нём позабыли, но это было совершенно нереально, и он стойко выдержал направленные на него взгляды.

– Ты – Кай, ученик этой Академии, – произнёс неизвестный, пришедший сверху, и Кай кивнул. – Ты – попугачик, то есть так же ученик Аташ Дастур.

Было видно, что он подбирает слова, старательно подбирает, как будто не знает как с ним, Каем, общаться.

– У нас есть к тебе одно дело.

Он медлил. Кай смотрел перед собой бессмысленным взглядом. Он знал, что о Рустаме Тимуровиче и вообще, обо всём, что с ним связано, знает кое-кто в этой половинке мира. Тот, кому положено обо всём знать. Волшебник почему-то налаживал контакты с такими людьми, но он был шокирован. Во всяком случае, тема разговора, судя по всему, не будет касаться Валтасара – промелькнула мысль, и тут же показалась смешной. Да какой, на самом деле, Валтасар, если речь заходит о таких вещах...

Между тем двое смотрели на него какими-то странными взглядами, будто проводили вскрытие того самого неведомого животного и совещались в вопросе, за что отвечает данный орган, и каждый отстаивал свою позицию. Каю стало и вовсе уж не по себе. Это выходило за все рамки его представления о том, кто он в этом своём родном, но ставшем в одночасье чужим мире. Он видел себя эдаким резидентом Аташ Дастура – огненного дастура, одного из дастуров Совета, работающего в полном о том неведении со стороны окружающих. Но вдруг выяснилось, что окружающие-то о нём прекрасно осведомлены... Кай вновь возжелал провалиться сквозь землю, и вновь его желание осталось неисполненным.

– Кай, – обратился к нему ректор (впервые за всё время обучения), – Кай, мы знаем о тебе всё.

Фраза эта звучала одновременно как грозно, так и смешно. Грозность её, впрочем, и планировалась, а вот о смешном Аиль Онто и не помышлял. Не видел он кино и не читал книг того мира, который Кай однажды открыл для себя.

Кай кивнул, и во взгляде его проснулась некоторая заинтересованность. На самом деле, впрочем, заинтересованности не было и в помине. Кай уже начал понимать, что происходит. В любом случае, запланированная ректором многозначительная пауза пропала втуне.

– Кай, ты очень неглупый ученик и понимаешь, что это значит.

Кай уверенно кивнул, что вызвало озадаченность в глазах ректора и нового лица, которое вопреки вежливости до сих пор не соизволило представиться.

– Мы будем разговаривать с тобой, как с учеником Аташ Дастура, ты не против?

Кай не был против, но ответа от него не ждали. Ректор продолжал.

– Мы не видим в твоём лице вражеского агента, я очень хочу, что бы ты это понял. Мы относимся к тебе по-прежнему, как к великолепному пасынку зимы. И мне просто хотелось бы, что бы ты это знал.

Кай был циничен. Да, он был циничен, и исправить это уж ни как было нельзя. Он заметил, что ректор, с которым он разговаривает впервые в жизни, уже второй раз хвалит в его довольно, в общем-то, сомнительных успехах.

Он что, думает так меня купить? А почему бы и нет? Он верит, что я напуганный школяр, находящийся под впечатлением того, что вот он я, нахожусь в кабинете самого ректора, в святой святых. Он думает меня купить, потому что затеял какой-то таинственный разговор. Он что-то от меня хочет. Внимание, Кай, повышенное внимание!

– Я думаю, вам лучше меня известно, что Аташ Дастур препровождает людей из одного мира в другой?

О да, Каю прекрасно было об этом известно. В голове своей он не раз прокручивал тот разговор с Рустамом Тимуровичем, человеком, или не человеком, со множеством образов и имён.

Впервые к Рустаму привёл его, конечно же, Гай. Это была какая-то дача в Подмоскowie – деревянный дом, классические шесть соток... Рустам Тимурович, правда, как выяснилось, ненавидел возиться в огороде, так что на заветных сотках тянулись вверх только старые кор волшебника им самим качели. Рустам любил посидеть на террасе, в окружении горшков с помидорами и цветами (которые выращивала Карина), потягивать густой, только очень густой чай за столом, накрытым клетчатой клеёночкой. В чай волшебник кидал по два кубика сахара, иногда белил его молоком. Молока в чистом виде он не признавал, утверждая, что оно по каким-то загадочным причинам вредит его здоровью. И вот как раз в тот момент, когда Рустам Тимурович намазывал на хлеб масло, чтобы потребить с очередной чашкой, на террасу поднялись Кай и Гена Иглов. Гена поздоровался, а Кай так и не сумел этого сделать (тот самый дастур, которому под тысячу лет, творящий чудеса, много чудес, глазам своим не верю!)

Рустам Тимурович кивнул в знак приветствия и отвернулся к самовару за своей спиной. Живя на даче, он всегда кипятил воду только в самоваре (правда, электрическом), по-видимому, наблюдая в этом некий загородный колорит. «Он бы поставил и обычный самовар, на шишках, но нельзя же его держать на застеклённой террасе!» – поделилась потом с Каем информацией Карина.

Рустам Тимурович налил себе воды, потом длинными цепкими пальцами ухватил чайничек с заваркой, и опрокинул себе в чашку, наверное, половину.

«Что ж, рад вас видеть, – сказал он, – вы вовремя. Хотите, я вам чайку налью? Вот с печеньем, с бутербродами, которые всегда маслом вниз, а?»

На вид Рустаму Тимуровичу Кай дал бы лет семьдесят. Это был высокий, даже когда он сидел, то казался высоким, старик с розовой лысиной на макушке, седыми волосами с боков и сзади, собранными в жиденький хвост. Рустам Тимурович был горбоносый и небритый, так что на щеках и подбородке серебрилась седая щетина.

Гена от угощения отказался, ссылаясь на то, что он, собственно, на минутку, и дел у него по горло, некогда чаи гонять. Кай за компанию тоже отказался – ему представилось неловким, что он один тут будет сидеть и потягивать с волшебником обжигающий чай, жевать печенье. Однако Рустам Тимурович усадил его рядом с собой за стол, посмотрел очень внимательным изучающим взглядом, но таким, как будто он уже видел Кая, а сейчас просто присматривается.

Гена незамедлительно распрощался и, выйдя с террасы, растаял в воздухе.

«Гена сказал, что ты хочешь стать попутчиком?» – спросил Рустам, переходя на деловой тон.

Кай кивнул.

«Что ж, отговаривать не буду, милости просим. Работа не пыльная, просто помогать таким как ты – тем, кто перешёл серыми башнями. Тебя поставим пока на подхвате, потому что тут нужно разбираться в психологии, подбирать нужные слова, чтобы человек совсем с ума не сошёл. Пока ты, конечно, не сможешь этим заниматься. У тебя нет опыта».

Он отставил чай, зашелестел какими-то распечатками перед собой, и от всей сцены повело вдруг формализмом – самый обычный приём на самую обычную работу. Только сидели они не в душном офисе, где вентилятор в углу бестолку трещит, не в силах разогнать жару, не за заваленном бумагами столом с несколькими телефонами, а в приятной прохладе веранды, где по стёклам ползёт подвешенный на проволоку вьюн, а за спиной потеет самовар.

«Лет через десять может быть... – в голосе Рустама Тимуровича проскользнули какие-то загадочные нотки, сообщающие, что он беззастенчиво лжёт, но Кай, впрочем, предпочёл их не заметить. – Пока же я могу только предложить тебе чисто техническую работу. Людей нужно

устроить в этой новой жизни. Нужно чтобы у них было образование, была работа, крыша над головой... Значит так, в год меридиан (это наша формулировка, она означает линию башен, ту, что зажата между половинами мира) пересекают двое-пятеро человек. Как правило, это молодые люди. Это хорошо, с ними проще».

Рустам Тимурович сложил распечатки в аккуратную стопочку перед собой.

«Ты, например, пойдёшь учиться в институт. Прежде мы, конечно, кое-чему тебя научим, чтобы ты не выглядел „чайником“ и вообще, человеком со странностями. Какую бы ты науку здесь хотел освоить?»

Кай пожал плечами. Он не знал. Он вообще имел смутное представление о здешних науках.

«Что же, – задумчиво сказал Рустам, – раз ты хочешь работать со мной, то тебе потребуется знание психологии. Ну, я думаю, ещё история тебе не помешает. Так. Этим мы и займёмся. Главное, запомни вот что – что бы тебе ни внушили эти дипломированные психологи, это всё только поверхностно. Для работы с людьми им надо сочувствовать и их надо понимать. А что касается психологов, то у них проблемы похлеще тех, с которыми к ним обращаются. Это, конечно, не правило, но и не исключение».

Кай жадно ловил каждое слово, и хотя ещё не слишком понимал, о чём ему сообщают, старался запомнить. Кто знает – пройдёт время и всё это может ему пригодиться.

Кай вернулся в реальный мир.

– Да, я знаю, – сказал он ректору и его гостю.

– А что ты знаешь о трёх желаниях? – продолжал Аиль Онто. – Насколько известно мне, они полагаются каждому новообращенному?

– Трёх чудесах, – поправил Кай.

«Трёх чудесах, – поправил Рустам, – я не золотая рыбка, чтобы желания исполнять. Каждому, кто пройдёт линией меридиана полагается три чуда. Этот закон очень древний. И установлен он не мной – я всего лишь исполнитель. Тебе не дано знать, когда случится очередное чудо, я сам тебя вызову и всё тебе скажу».

– Это не имеет значения, – сказал гость ректора, – желание, чудо, это суть формулировки.

Кай, ты ученик Аташ Дастура, но ты и верный сын Аши. Так ведь?

Кай охотно кивнул, не зная ничего о том, чем ему это грозит.

– И ты преданно любишь свою Родину?

Кай вновь кивнул, гадая над тем, как можно любить свою Родину не преданно.

Аиль Онто и его гость очень значительно посмотрели на Кая, готовя его, по-видимому, к кульминации.

– Кай, – сказал гость, – Родине требуется твоя помощь.

Они взглянули на него так, как будто ожидали взрыв патриотического рвения. Кай сидел молча, со строгим лицом и внимательно слушал, ожидая продолжения.

– До сих пор я вспоминаю тот день, когда ты попал к нам в Академию, – медленно и со значением проговорил Аиль Онто. Человек в капюшоне почтительно замер рядом, внимая. – Тебя нашли в предгорьях охотники. Ты был одет в шкуры животных, очень тепло одет, но ты замерзал. Ты был совсем ещё младенец, совсем ещё дитя...

Кай не помнил того времени. Он не знал, кто он, откуда он пришёл. Но это и не слишком заботило его. Каю как-то не приходилось серьёзно задумываться над этим. Очень многие ученики Академии были подкидышами и сиротами, Академия принимала их, поскольку это было благом. Так же благом было трудолюбие, а безделье – грехом. Потому и принимала Академия к себе беспризорников, что бы благой дух жил в них, а грех упорно изгонялся каждый день в обучении и на общественных работах. Жить общественной жизнью, жизнью Аши так же было благом.

– Ты много говорил во сне и бредил на незнакомом языке. Видимо, злые дэвы похитили тебя из дома, и увели в зиму...

Кай слышал и эту историю. Будто бы горные девы обрушили лавину туда, где нашли его охотники. К счастью, они незадолго до этого успели уйти оттуда. Лавина закрыла и проход – узкую горную тропу, по которой сам Кай пришёл в долину с той стороны гор... Впрочем, то, откуда он пришёл, ставилось под большое сомнение. Предполагалось, что по ту сторону Гипербореев жизни нет.

Только один из охотников говорил, будто привиделась ему в надвигающейся лавине ледяная колесница, запряжённая белыми лошадьми.

– Мы выходили тебя, отпаивали настоями хаомы, но ты очнулся только через неделю. Чувство у нас было такое, что даже само твоё сердце замёрзло. Мы думали, тебе не выбраться из тьмы. Казалось, твоя душа была пуста, а в груди возник осколок льда. Но ты выкарабкался. Хотя тебе было лет пять, или меньше.

Ректор Аиль Онто вздохнул и возвёл очи горе.

– Так всё и было, – подтвердил человек в капюшоне мистическим шёпотом.

Станным образом слова ректора и человека в плаще подействовали на Кая, и он почувствовал, что безмерно многим обязан этим двоим. Хотя на самом деле, конечно же, ректор ничего не знал из биографии отдельных учеников, второй же человек и вовсе не имел к Академии никакого отношения.

– Кай, нам нужно, чтобы ты пожертвовал своими чудесами на благо нашего Гелиона. Ты пойдёшь на это?

– Я... Да, пойду...

– Когда Аташ Дастур призовет тебя, скажи ему то, о чём мы тебя попросим, хорошо?

– Хорошо, – Кай пребывал ещё в какой-то прострации и согласен был на что угодно.

– Скажи ему немного повременить с чудом. В конце концов, это же твоё чудо, ты должен будешь подумать, всё прочее... Придумай причину. И немедленно, немедленно доложи господину ректору, ты понимаешь?

– Да, я понимаю, конечно, понимаю.

– Вот и хорошо, – человек в плаще благодушно улыбнулся, – не зря ректор так хвалил тебя, Кай, за твои успехи и за твою сознательность. Я уверен, если ты пожертвуешь чудесами, то и проблем в учёбе у тебя никогда не будет.

Кай понял, что гроза миновала. Все эти странные, абстрактные чудеса не имели для него никакого значения. Строго говоря, он понятия не имел, в чём они заключаются. С Рустама Тимуровича станется выкинуть какой-нибудь номер, которого никто не ждёт.

– Ролан очень странный человек, – как бы размышляя вслух, сказал ректор, – странный, да. Трудно сказать, что можно ожидать от него. Иногда он чего-то просит от нас, но трудно понять, что ему действительно нужно. Мы его очень уважаем, и знаешь, нам хотелось бы лучше его понимать. Правда он скрытен и это не так-то просто. Ты знаешь его гораздо лучше Кай, и ты сможешь помочь нам наладить с ним диалог. Ты мог бы ты иногда приходить сюда и рассказывать точнее, что ему нужно, чего он ждёт... Мог бы?

– Да, – сказал Кай, сглотнув, – это не трудно.

– Хорошо, очень хорошо, спасибо тебе, Кай... Только знаешь, не нужно об этом рассказывать Аташ Дастуру. Ролан чересчур подозрителен и не стоит его волновать, тревожить его воображение, ты понимаешь? Одним словом не нужно ему рассказывать, что ты будешь ходить сюда. Это поможет нам всем работать вместе.

Кай кивнул.

– Да, хорошо, конечно.

– Ты очень умный юноша. В твоих силах помочь и ему и нам, оказать просто неоценимую услугу.

– Я сделаю всё, как вы просите, ректор.

– Молодец, молодец. Ну, ладно, что ж... Иди, Кай. И не забывай о своей верности Ашу. Кай встал, поклонился ректору и его гостю.

Но следующие слова Аиля Онто остановили его.

– Кай, тот человек, которого вы привели сюда, кто он?

Всё.

Сет. Аут. Нокдаун.

Кай потерял контроль над своим лицом. Глаза его расширились, челюсть отвисла, пропал важный, серьёзный ученик, будто и не существовал вовсе. Остался нашкодивший ученик, знающий за собой вину и застигнутый на месте преступления.

– Садовник видел, как вы вошли в сад Академии. Тебя с твоим другом он узнал, но кто тот, другой?

– Я не знаю.

– Не знаешь?

– Нет. Так получилось... Я... ну, мы привели его, потому что познакомились в лесу. Нам надо было расплатиться с ним за помощь, он нам помог, и...

Кай ужасно перепугался. Теперь он по-настоящему понял, что находится не иначе чем в кабинете самого ректора прославленной Академии. В голову его сразу ударила кровь, и перед глазами всё как-то подозрительно закачалось.

– Ну, хорошо, – странным тоном произнёс ректор, – если он вам помог, то конечно за помощь надо благодарить. Ни одна живая душа даже подумать не должна, что ученики Академии способны на неблагодарность...

Кай вышел из кабинета и прошёл по коридору несколько метров, как будто плывя по воздуху. Только дойдя до лестницы, он перевёл дыхание. Потом почувствовал себя обманутым, оболганным и униженным. Что же теперь делать? Это получается, его перевербовали, сделали из него доносчика? И главное, они-то во всём правы, и ректор и тот, второй... И Рустам Тимурович, которого они называют то Роланом, то Аташ Дагуром, тоже прав. Почему же тогда появилось это чувство? Как будто его вывалили голым в грязь и выставили на всеобщее обозрение. Ну, аспид с ними – зло подумал молодой и прямолинейный Кай. Захотелось вдруг вернуться, сказать, что не будет он этим заниматься, так что пусть катятся в ледяную преисподнюю. Захотелось на мгновение, а потом он понял, что не вернётся, что он спускается вниз по лестнице и хочет как можно быстрее выйти в сад, побродить, развеяться. Ладно, будет он ходить к ректору, докладывать. Только ничего они от него не узнают. Только то, что и до этого было им известно. Во всяком случае, он постарается. Да и переговорить на эту тему с Рустамом Тимуровичем не мешало бы.

А чудеса... А что чудеса? Кай очень смутно себе представлял, чем они могут быть. Вернее сказать, он вообще себе этого не представлял. Рустама порой очень трудно понять. Иногда он кажется эдаким простоватым старичком, иногда в нём проскальзывает огромная неведомая сила и какое-то знание. Точно он видит тебя насквозь, но только не признаётся. Такой же разный, как и его имена – Ролан, Рустам Тимурович, и многие другие. Человек без национальности с загадочным прошлым и ещё более загадочным будущим. Чудеса его открывали огромный неизведанный простор воображению. Он мог подарить древний замок, скатерть-самобранку или просто коробок спичек и назвать это чудом.

Кай вышел из Академии и направился к хижинам, но на полпути остановился. Он оглянулся по сторонам. Никого рядом видно не было, но он чётко помнил, что десять минут назад тут тоже никого не видел. Садовник. Вполне возможно, что он где-то здесь... Ну и аспид с ним.

Быстрым шагом пасынок зимы пошёл к окружающей сад стене. Отсюда она казалась огромной змеей, жёлто-бурым кольцом развалившейся в жиденькой тени деревьев. Видны

были даже старые крошащиеся чешуйки кирпичей. Кай добрался до стены, погружённый в свои мысли и прямо перед ней споткнулся о сломавшуюся корявую ветку. Он чуть не упал, но сумел-таки бурными взмахами рук удержать равновесие. Досадливо Кай поддел ветку ногой и откинул в сторону. Та отскочила в одуряющее пахнувший куст роз, и на секунду Каю показалось, что за кровавыми бутонами притаилось что-то постороннее. Однако он не обратил на это особого внимания, сочтя за лучшее быстрее выкинуть из головы, а зацепился за ветвь горчичного дерева, потом за стену и ловко перепрыгнув ее, оказался на маленькой безлюдной улочке. Ему не хотелось идти в обход через пролом в академской стене. Во-первых, это заняло бы время, а во-вторых, ему не хотелось сталкиваться сейчас с Лоем. На это у него были свои, достаточно веские причины.

Окинув взглядом пустынную улочку, Кай побрёл по ней, не обращая внимания на палящее солнце и лицо его было мрачно, как будто он задумал сделать нечто неприятное, но совершенно необходимое. Неспешным шагом он покинул центр города, отданный на откуп учёным и торгашам, миновал кварталы язычников, где царили мир и покой после ночной вакханалии, и направился к вотчине огнепоклонников, на ту их улицу, что считалась самой богатой, улицу Рыбы.

Символом улицы Рыбы было синее колесо. Колесо висело над старой крошащейся каменной аркой, с которой улица эта начиналась. Колесо было деревянным и выкрашено синей краской. Поскольку дерево стоило довольно дорого, колесо периодически воровали, в результате чего со временем у арки появился стражник. Был стражник этот в старых кожаных доспехах, протёртых местами чуть не до дыр, зато со сверкающим на солнце отлично заточенным мечом.

В Аше не было колесниц, не было телег. Вся поклажу люди носили либо на себе, либо же на вьючных животных. И только самые состоятельные жители города плыли вальяжно в уютных палантинах.

На улице Рыбы преимущественно селились именно таковые.

Потому Каю пришлось проявить немало ловкости и юркости, ускользя от несущих на своих спинах палантины мускулистых рабов. Впереди каждого палантина следовал либо один, либо, при особой знатности несомой персоны, трое рабов, расталкивающих перед палантином зазевавшуюся публику.

Свернув в узкие грязные переулки, Кай срезал, и, преодолев замысловатый этот путь, вышел к большому особняку. Приняв решение, не потребовавшее особых раздумий, Кай нырнул в узкий проход между домами и затем, через стену кустарников, проник в сад одного из них. Сады тут были маленькие и вялые, потому что земли на всех желающих иметь здесь особняки не хватало, и землевладельцы обычно разбивали сады в пригородах, или вообще не разбивали, а сдавали арендаторам под пастбища.

Прокравшись по саду, Кай проскользнул в каменный проход, из которого пахло всякими разностями и вкусами. Рядом с проходом, правда, валялись огрызки и объедки, в которых рылась тощая собака с обвислыми ушами, а на стене темнело пятно от незапамятные времена вылитых на неё помоев, но настроения это сильно не портило. Когда-то собака считалась в Аше священным животным, приравнивавшимся к человеку, но со временем обычай этот подзабывался и распространялся теперь только на некоторых священных собак-хаурва, живущих на Эмпирее.

– Эй, – окликнула его худая кухарка (в представлении Кая все кухарки неизменно должны были быть толстыми, и потому при виде этой он несколько терялся).

– А, да?

Кай как очень послушный и вышколенный академский ученик застыл по стойке, чем-то напоминающую стойку «смирно» в армиях другой половины мира и уставился на кухарку уж вовсе покорным взглядом.

– Шо опять припёрся? Дома тебя не кормят? Чё стоишь, как жердь? Я к тебе обращаюсь!

Кай изобразил на лице вдохновенно-тупую улыбку и бочком-бочком, двинулся к проходу вглубь особняка. Не дослушивая кухарку до конца, которая считала его кем-то вроде мальчика на побегушках, он растворился в прохладной тени дома.

Та окликнула его в последний раз, а затем смирилась с неизбежным. Кай же походкой своего в доску человека прошёлся в другое крыло дома. Ему навстречу попало несколько слуг – кто-то на него не отреагировал, поскольку за последние три года он стал здесь уже привычным человеком, кто-то даже приветливо кивнул, улыбнулся. Кай на это улыбался в ответ, и тоже приветливо, но в меру сухо. В конце концов, в этом доме он боялся только двоих человек – его хозяина и кухарки на грязной кухне, хотя последняя так и манит привлекательными запахами, где на горячих углях печётся мясо с овощами, а на песке поспевают кофейный напиток.

Кай задумался над тем, почему его так и тянет на кулинарные фантазии, и пришёл к выводу, что не мешало бы и поесть. Короче – дайте попить, а то так есть хочется, что переночевать негде.

Кай замер перед каменным порталом в большую светлую угловую комнату, отделённую от всего дома белым тюлем, покрытым узорами золотых ниток. Узоры были похожи иной на антилоп и газелей, иной на птиц, взмывающих вверх, но точно сказать было сложно. Кай постучал по стене, дождался мелодично-напевного «войдите» и проник в комнату.

Азира, дочь хозяина особняка сидела в центре комнаты и водила металлическим пером по красному песку в квадратной песочнице, создавая ей одной понятные рисунки.

Поскольку Азира не удостоила его взглядом, Кай кашлянул, прибегая к излюбленному приёму в разного рода романах. В жизни он, во всяком случае, такого не наблюдал.

Азира оторвалась от творческого процесса и посмотрела на него затуманенным взглядом.

– А, Кай, – сказала она звонким голосом, – проходи, я знала, что ты придёшь.

Кай улыбнулся провидице и сел у стены на жёлто-зелёную циновку. По опыту он знал, что отрывать её от этого дела абсолютно бессмысленно – в крайнем случае, она отделается парой-тройкой односложных откликов. Впрочем, на этот раз ему повезло больше чем обычно, Азира почти сразу прервала ритуал вождения пером по крашенному песку, осмотрела свой труд критическим взглядом и смешала всё резким движением руки. За этим последовал следующий ритуал – выравнивание песка, который она ласково гладила худыми руками, словно гончар, создающий на своём круге диск для Летних Игр.

– Эльза в тени, – сказала провидица отстранённо, – Панна в третьем доме. Тьма с гор – луна нарождается. Что тебе Кай?

Кай заморожено смотрел в глаза Азиры. На всей равнине, и в Аше и в других городах, жили люди с карими глазами. И только у првидицы Азиры Ирбе глаза были голубого цвета. Многие говорили, что глаза эти похожи на озёра, но Кай видел, что голубизна эта живёт своей собственной жизнью, колыхается в её глазах, переливается всеми оттенками ультрамарина. Словно в глазах её жило синее пламя.

Только вот никто больше отчего-то этого больше не видел. Однажды Кай рассказал об этом Лою, ещё пару лет назад, но Лой только pokrutil пальцем у виска.

– Ой, прости, я себя так жутко веду, – вдруг сообщила провидица.

Азира мгновенно, как это и всегда бывало, ожила, вскочила на ноги, отодвинула сандалий песочницу, воткнув в песок перо, тут же подошла к Каю и повисла на шее. Для Азиры это было естественным. Она не сдерживала эмоций и чувств. Кай не помнил, откуда это всё пошло, но он ещё давно, с довольно раннего детства знал, что Азира его сестра. Просто он знал это всегда. Возможно, во всём была вина фраваша.

Кай помнил себя с того момента, когда очнулся в Академии Аши. Вернее, все обрывки его детских воспоминаний начинались с Академии. Он не помнил первых лет своей жизни. Только иногда ему снилась снежная колесница. И всё.

Азира всегда жила на равнине в Аше.

Но она без сомнения была его родной сестрой. И кто видел их вместе не смог бы оспорить этого. Это было одно и то же лицо, в его мужской и женской ипостаси. Они были слишком похожи, только у Азиры были голубые, а у Кая карие глаза.

– Чего тебя так долго не было? Я скучала.

Кай кривовато улыбнулся. В этом была вся Азира – она уверяла, что соскучилась, даже если Кай отсутствовал минут пять. Самого Кая такая детская наивность иногда просто бесила, и он руку готов был дать на отсечение, что она просто играет, потому что ну не может такого быть. Ей семнадцать, кажется, лет (точнее никто не знает, даже её отец), и не могут нормальные семнадцатилетние девушки так себя вести, даже если они тупые как пальма или упёртые кокетки.

Впрочем, Азира и не была обычной девушкой – она была провидицей.

– Сейчас я накрою! – сообщила провидица.

Азира пронзительно вскрикнула, так что Кай даже вздрогнул и почти подскочил на месте. На мгновение ему показалось, что сейчас она закричит, что её насилуют и надо, просто необходимо порезать его в фарш, таков был этот крик.

Однако вооружённая охрана с ятаганами не возникла в дверях, а появилась там изящной газовой нимфой служанка, кивнула понимающе, и исчезла столь же внезапно, как возникла.

Вскоре как по волшебству перед Каем на маленьких ножках точно сам по себе возник крохотный металлический столик, а на столике жареная рыба, свинина, фрукты, разложенные прямо так, без тарелок, вино и вода. Просто чудо, что всё это уместилось там.

– Как охота?

Кай поморщился. Он так и знал, что Азира непременно об этом спросит.

– Пока не везёт.

– Странно, – Азира задумчиво посмотрела на Кая, – мне казалось, что сегодня ты обязательно увидишь гарпию... – тут глаза её прищурились, и в них загуляло голубое пламя. Кай увидел его совершенно отчётливо. Два голубых язычка пламени в каждом зрачке шаловливо сверкнули. – Ты видел! Ты врешь! Ты видел, но промазал, мазила!

Вернулся Кай уже к вечеру. Перебираться через стену там же он не стал, а на сей раз, снизошёл-таки до пролома. У хижин горели глиняные печи, на которых что-то варилось и жарилось. Ученики Академии – сыны ветра, пасынки, дети крови, ели, пили, трепались просто так, ни о чём. Лой сидел у одной из печей и, увидев Кая, посмотрел на него мрачным пристальным взглядом. Кай быстро поужинал и сразу ушёл в свою хижину.

Несколькими часами раньше, пока Кай брёл по саду, погружённый в свои не слишком весёлые размышления, Валтасар отправился на разведку. Он перелез каменную стену сада, чуть не сорвался с неё и только чудом уцелел, вцепившись обеими руками в длинную корявую ветку. Ветка согнулась, опустив его почти до самой земли, потом с резким хрустом отломилась, и он жёстко приземлился, так что на пару секунд забыл, как дышать, а перед глазами заскакали цветные чёртики.

Но вот, наконец, он поднялся и услышал чьи-то приближающиеся шаги. Валтасар быстро нырнул в розовый куст, тут же познав всю остроту его шипов. Спустя некоторое время перед стеной появился Кай. Валтасар замер, в надежде, что остался незамеченным. Кай посмотрел на него – прямо на него, и Валтасар приготовился к стремительному прыжку, но Кай отвернулся, видимо, так ничего и не заметив, и полез через стену.

Так, так, не у меня одного есть тут секреты, мелькнула у Валтасара мысль.

И тут на секунду Валтасара посетило видение – сочная виноградная гроздь с большими зелёными ягодами и сок, стекающий по пальцам в золотой кубок, но в следующую секунду

видение рассеялось в знойном мареве, и Валтасар мотнул головой. На какое-то мгновение он подумал, что жара сыграла с ним злую шутку и у него начались галлюцинации. Внутри сразу стало холодно, но Валтасар усилием воли заставил себя встать на ноги и выбраться из кустов.

Ну, нет, у меня ещё дела. Рановато сходить с ума на ровном месте.

Он собирался осмотреть сад днём, чтобы позже не заблудиться здесь. Потом его ждёт ещё курильня, где он дождётся темноты. Валтасар вздохнул и вытер потный лоб рукавом. Надо днём здесь одеваться легче, решил он, всё-таки это не предгорья, здесь нет, и не может быть снега, здесь нет того ровного прохладного климата. Надо было подумать об этом раньше. Да, надо было... Валтасар задумался, почему он это не предусмотрел, но тут же воспоминания натолкнулись на какой-то тёмный жуткий барьер в глубине его сознания, за которым шипящей ядовитой змеей зашевелилось предупреждение и мысли Валтасара тут же приняли иной ход.

Надо быть осторожным, чтобы меня не заметили. Да, не нужно было соваться сюда с этими, кто-нибудь наверняка нас видел и меня знает в лицо. Главное – осторожность. Если не соблюсти её всё может рухнуть.

Он вздохнул и стал красться по пустому в это время суток саду, стараясь держаться за ветвями деревьев и кустарников.

Вскоре Валтасар добрался до каменной лестницы – довольно широкой – ведущей куда-то вниз, в подвалы Академии. Железная решётка, преграждающая путь была открыта. Ахриман всегда заботился о нём и помогал ему... Впрочем, не обременяя себя слишком многими раздумьями, он быстро сбежал по ней вниз и окунулся в прохладу погреба. Валтасар облегчённо вздохнул и, дав глазам привыкнуть к полумраку, увидел два арочных прохода. За обоими оказались какие-то склады – стояли ровными рядами, как пехлеваны на плацу, кувшины, валялись у стен мешки и кожаные, набитые чем-то так, что видны были сшивающие их нитки, сумки из кожи. Не удостоив вниманием всё это богатство, Валтасар выбрался из погреба внутрь Академии.

Он попал в совершенно пустой коридор с колоннадой, где прямоугольные колонны были исчерчены орнаментами, а купольный потолок покрыт росписью в красно-розовых тонах, где сталкивались армады, и кровь лилась рекой, питая иссушенные травы равнины.

Валтасар смотрел на всё это великолепие с отвалившейся челюстью. Никогда в своей жизни он не видел ничего подобного, и зрелище потрясло его до глубины души.

Не встречая ни кого, Валтасар как зачарованный бродил по залам, но вот вдруг откуда-то до него донеслись отголоски человеческой речи. Валтасар быстро оглянулся в поисках укрытия, но увидел только решетчатые железные двери. Он быстро скользнул туда, и выяснилось, что за дверьми начинается неф, где на стенах за колоннами развешено оружие, а внутри располагались площадки для боя и стрельбы. Это была оружейная зала, где любил коротать вечера пасынок зимы Кай. О пристрастиях Кая Валтасар, впрочем, не знал ровным счётом ничего.

Зато он очень чётко отдавал себе отчёт в том, что нужно непременно вооружиться. Если его увидят здесь, то примут за вора. Для своего предприятия Валтасару совершенно не нужен был шум, а уж если его схватят и отрубят руку...

Валтасар метнулся к стене, схватил то, что попало первым, и кинулся обратно к дверям, в засаду. Голоса приближались.

Тут только Валтасар заметил, что крепко сжимает в руке длинный стилет. Он не умел обращаться со стилетом – вообще с колющим оружием он не был на короткой ноге, но, тем не менее, не стал ничего менять. Только ухватил в другую руку свой импровизированный топор.

Голоса раздались прямо за дверьми, но тут же стали удаляться, и Валтасар облегчённо вздохнул.

Опустив взгляд на стилет, он обнаружил, что рукоять его выполнена в виде драконьей головы с рубиновыми глазами. Ахриман.

Это знак, подумал Валтасар. Это точно знак. Он подержал стилет в руках, а затем осторожно спрятал его в сапог.

Он ещё пригодится ему для дела. И вновь Валтасар ощутил, что дэвы Ахримана заботятся о нём – его самом преданном рабе...

ГЛАВА 4. Ратаэштар

Президент Ордена Вазишт, один из знатнейших ратаэштар, военной знати города Аши, выпрыгнул из седла на пересечении Мельничной и Костяной (или, как её ещё звали, Остяной) улиц, что в кварталах язычников, куда и в голову не пришло бы заходить истинному бехдину. Конь его всхрапнул. Мотнул головой, и президент машинально погладил его по морде, чтобы он успокоился. Пожалуй, кварталы эти были самыми пёстрыми во всём городе. Здесь жили люди, как и приезжие из других городов, так и местные, а так же перебравшиеся в город уроженцы предгорий, которых хоть и не считали приезжими, но, тем не менее, и своими тоже. Здесь множество религий, культов и сект смешались в какой-то безумный психоделический пейзаж – яркие одежды, звуки бубнов, и свирелей, запахи благовоний, тлеющих алтарей жертвенников и выгребных ям. На этом маленьком перекрёстке сталкивались дороги, ведущие к крупнейшим храмам и идолам многобожников, и разные процессии, громыхая всем, чем можно и протяжно запевая молитвы, гимны, заговоры, тянулись почти непрерывно.

Если пройти по Мельничной улице несколько домов, то можно натолкнуться на статую Бафомета – с человеческим телом и головой быка, которому почитатели наложили на постамент цветов и плодов, рассчитывая взамен получить удачу, счастье, денег, ну и всего прочего, чего ждут от богов люди. Дальше, за пекарнями (мельниц на улице естественно не было, и ни кто уже толком не помнил, отчего её так называли) стояло капище, пожалуй, самого популярного среди язычников божества, а вернее богини. Это была богиня Иштар, которую президент мысленно называл богиней-всего-чего-можно. От комментариев в слух он, правда, воздерживался, так как за такие разговоры можно было запросто получить и нож в спину, не взирая на ранг. Да к тому же по городу он всегда перемещался инкогнито, так что язычник, что обогрив в таком случае руки его кровью, даже не узнает, на кого покусился. Костяная же улица вела к вивариуму – зверинцу, чьи стены были украшены огромными костями доисторических монстров и вокруг которого расположились алтари около десятка всяких божеств мелкого пошиба. Жрецы этих культов в основном промышляли попрошайничеством, наведением и снятием порчи, а так же гаданием и предсказанием судьбы по особым картам, камешкам и голубиному помёту.

Одним словом, пересечение этих двух улиц было довольно оживлённым. И никто даже представить себе не мог, какие вещи творятся в подвале скромного каменного дома с узкими, как бойницы окнами, за аркой которого расположилось некое подобие конюшни. При всём желании тут можно было держать одновременно лишь трёх лошадей, а весь остальной довольно обширный внутренний двор был завален самым разным хламом от железных мотыг и разорванных кожаных доспехов, до битых кувшинов и плетёных корзин. Среди всего этого стояли курильницы, которые горели всегда от восхода и до заката солнца, а так же каменные и глиняные идолы, закопченные от дыма, так что казались чернокожими людьми из старинных легенд. В городе их уже прозвали мусорными богами, но адепты культа прозвище это не принимали близко к сердцу и исправно раз в два года объявляли приближающийся конец света.

На разведённом тут же костре люди в серо-коричневых балахонах жарили мясо и то и дело прикладывались к бутылке. По всеобщему мнению тут обиталась секта, называющая себя поклонниками тысячи богов (действуя по принципу – чем больше, тем лучше). Многие эту секту, впрочем, в серьёз не воспринимали, для большинства она была лишь сбродом, который обожает выпить и постоянно попрошайничает на площадях и трактах вокруг Аши. Но говаривали люди, что иногда, очень редко, можно услышать из-под земли голоса мертвецов, дрожащих от холода в аду. Они как будто подпевали адептам тысячи богов, когда те затягивали разудалую песню. Впрочем, при этом видно было, что у сектантов даже под страхом смерти не хватит фантазии выдумать имена всем тем богам, которым они поклонялись.

Коротко говоря, это была весёлая компания, которую терпели, в меру побаивались, и к которой бывало, захаживали выпить.

Именно сюда-то и приехал президент могущественного Ордена Вазишт.

Он взял лошадь под уздцы и провёл её той самой аркой. Арка эта была настолько низкой, что верхом проехать было совершенно невозможно. Мало кто знал, что к тому же в каменной кладке дома была устроена потайная решётка, которая могла бы преградить путь любому в случае необходимости. А вон те наполовину осыпавшиеся барельефы – головы львов с распахнутыми пастьями, на самом деле замаскированные бойницы, из которых всегда готова вылететь стрела, и убить не слишком вежливого гостя, тонко пропев в воздухе.

Президент был облачён в одежды секты и, входя, столкнулся с точно таким же послушником, идущим несколько неуверенно, бормоча что-то себе под нос пьяным голосом. От послушника за версту несло брагой. Когда они почти поравнялись, президент чуть сбавил шаг, и послушник успел шепнуть ему совершенно трезвым голосом.

– Третья перемена часов. Служу повелителю.

Президент кивнул.

– Служи верно, – это была традиционная фраза, как и предыдущая.

– Вера и разум, – тихо ответил послушник.

Они разминулись.

Замаскированный стражник ушёл отсыпаться, а президент прошёл во внутренний двор. Передал лошадь другому якобы подвыпившему адепту, обладающему подозрительной плехванской осанкой. После этого он прошёл в дом, отодвинув грязную занавеску, с вышитой на ней эмблемой – волком на человеческих ногах, заменяющую тут дверь. В среде беждинов волк в отличие от собаки считался животным тьмы и зла, но во многих языческих культах был очень популярен.

Внутри дома царил полумрак, плавала пыль, а у стен, так же как и во дворе, валялся всякий хлам. Так же здесь стояли мехи с вином, а в углу был устроен маленький алтарь с глиняной статуэткой, окружённой зажженными свечами и дымящимися курильницами.

Президент прошёл в следующую комнату, где свечами был уставлен весь пол, так что двигаться там можно было лишь в ритме какого-то неграциозного танца. Посреди комнаты на циновке сидел полный человек с обрюзгшей и обвислой физиономией запойного пьяницы, почти полностью загораживая алтарь за собой. Ни чем он не напоминал теперь знаменитого в своё время поэта. Пожалуй, бывший стихотворец единственный был по-настоящему пьян. Насколько было известно президенту Ордена Вазишт, Балу Ион не просыхал с тех пор, как расхитители могил убили его жену и троих сыновей.

Эх, Балу, Балу, если б ты знал, если бы только знал, какие трупоеды на самом деле покусились на твою семью, подумал президент. Это твои стихи так не пришлись по душе кое-кому из Совета. А потом ещё раз, и ещё... А потом они придумали, как сломать такого популярного в народе – и среди язычников, и даже среди единобожников человека.

И вдруг впервые президент подумал (открытие это как молния озарила его сознание), что прекрасно он всё знает. И кто, и за что... И пьёт, потому что не может себе простить, что не остановился тогда, решил, что всё ему можно, решил, что справится... И потому, что чувствует собственное бессилие против Совета.

И вот он надирается до чёртиков и декламирует утробным голосом стихи, которые сам же и ненавидит.

Зато это отличная маскировка, – подумал президент, – его считают здесь почти оракулом, ходят за предсказанием, за советом.

Балу Ион взгляделся в президента тусклым взглядом, и даже при неверном свете президент решил, что глаза его красные и на выкате.

– Добр день, – сказал Балу, – снег падает.

– Не такой уж этот день добрый, – отозвался президент. Про снег он смолчал.

– Два – это число воды... ы... ы... ик!.. Ты знаешь?

Президент стал аккуратно пробираться мимо свечей.

– С чего ты взял?

– Я так думаю... ик! Говорят же – как две капли воды... А почему говорят?

– Врут, наверное, – предположил президент.

Балу грустно вздохнул.

– Может и врут... А пять – это число огня. Спросишь, почему?

– Нет, не спрошу.

– Ну и правильно – я и сам не знаю почему, просто так считают. Тоже врут... ик... Семь – это дракон.

Президент, который почти что уже добрался до алтаря, вдруг резко остановился. Носком сандалии он задел одну из свечей и та упала, разбрызгав по полу быстро остывающий жир. Президент не обратил на неё внимания.

– Что ты сказал?

– Семь – это дракон. Два крыла, две лапы, хвост и два рога на голове. Семь. Я так думаю.

Балу вынул вдруг откуда-то из глубины своих лохмотьев бутылку и приложился к горлышку.

– Ну ладно, ладно.

Президент подошёл к алтарю, от которого в колодец в потолке поднимался едкий дым, нажал потайной рычаг, и стенка его отодвинулась. Оказалось, что изнутри алтарь пуст и оттуда под пол ведёт крутая каменная лестница.

Сзади его догнали грозные, словно печатающие шаг солдаты, строчки:

Кто совершит вам чудо?
Нам говорит Совет.
Боги ушли отсюда
Ровно на тысячу лет.

Мы вам глаза откроем,
Мы разорвём простор.
Красные реки крови
Наш раскуёт топор!

Мы победили ветхость,
Мы разорили тьму.
Нам теперь с вами ехать
В режущем глаз дыму.

Допрыгается когда-нибудь, – подумал президент и покачал головой.

Придерживаясь за стенки алтаря руками, он спустился несколькими ступенями и, погрузившись в холодный мрак подвала, нащупал другой рычаг, закрывающий алтарь. С лёгким скрипом стенка встала на место и президента окутала тьма. Он оказался в узком каменном проходе, ведущим прямо на несколько метров, а затем расширяющимся и превращающимся в огромные катакомбы под городом.

Чёрная Империя, – подумал он, – всё это создала Чёрная Империя и, глядя на это, не знаешь даже, проклинать её, или благословлять... Нет, не благословлять, это тут совершенно не при чём... Трепетать... нет... уважать – вот что...

Президент прошёл до конца каменного коридора и оказался в освещённой факелами пещере. Огни их раскачивались, а дым сплетался в единую нить и уходил через вытяжку... Потому-то в жилище поклонников тысячи богов всегда горит жертвенник, и дым поднимается в чистое небо Аши... От пещеры вглубь земли вели ещё три коридора, казавшиеся пустыми и чёрными глазницами черепа. Странного черепа странного существа с тремя глазами, в которых до сих пор, казалось, застыло выражение боли и страха смерти. Все они были перекрыты решётками.

И откуда-то из-под земли слышались тихие стоны.

На полу пещеры на циновках сидели люди во всё тех же балахонах и увлечённо играли в кости.

– Эй! – окрикнул их президент.

Игроки тут же повскакивали с мест и из-под ряс у них возникли заряженные самострелы.

Президент поднял руки вверх, показывая, что не вооружён.

– Мертвецы – дети холода, – негромко произнёс он, и самострелы тут же опустились.

Президент скинул капюшон, и оказалось, что лицо его грубое, с резкими чертами, с пересекающим лоб уродливым шрамом, но в то же время, обладающее каким-то жутковатым магнетизмом. Его легко было представить главарём шайки разбойников, несущихся с обнажёнными мечами по сухой равнине за караваном, а из-под копыт их лошадей вылетает пыль, и крик «Ол-ла! Ол-ла!» рассекает простор.

– Где он? – спросил президент.

– Следуйте за мной, – сказал один из пехлеван и, сняв со стены факел, направился к зарешеченному проходу. Президента они знали в лицо, хотя не подозревали о том, кто он такой. Ещё они знали, что слушаться его нужно беспрекословно.

Звякнул железный засов на дверях, повернулся в ржавом замке ключ, и с противным скрипом решётка отодвинулась. Тут же стоны из-под земли усилились, как будто тот, кто издавал их, услышал шаги.

Президент не сомневался, что так оно и есть.

Охранник шёл впереди, освещая дорогу факелом, хотя, пожалуй, президент Ордена Вазишт сумел бы найти дорогу и сам, в кромешной тьме. Он уже далеко не в первый раз посещал пыточные камеры Ордена.

На пути их возникла очередная решетка, и стражник отпер её. Отсюда коридор расходился в две стороны, где были оборудованы специальные помещения – направо располагались те, где держали узников, а налево... А налево те, ради которых их, собственно, сюда и приводили.

Стоны, становившиеся всё сильнее и с появляющимся оттенком истерии, доносились справа.

Президент вновь накинул на голову капюшон, так что при неяром свете он полностью скрыл его лицо. Стражник подвёл его к очередной железной решётке, за которой на куче соломы, сжавшись в комочек, лежал человек. Человека этого было не очень хорошо видно, но и того, что президент увидел, оказалось достаточно. Всё лицо узника превратилось в сплошной кровоподтёк, двигался он неловко, рывками и казался весь угловатым, точно состоял из одних локтей и коленок.

Увидев президента, он вновь застонал, но стон его быстро перешёл в слабое завывание.

Должно быть, он решил, что видит перед собой свою смерть, подумал президент. Что ж, не так он и далёк от истины, если судить строго.

– Я слышал, что ты не слишком разговорчивый человек, это так? – спросил президент почти вежливо, но при звуке его голоса узник вздрогнул, как от удара.

Маниш, его зовут Маниш, – подумал президент. – Он писарь верховного советника каменной. Каменного владыки, как его называют в народе. Руководит половиной рудников и каменоломен Аши. Про таких говорят – птица высокого полёта... Впрочем, его маленькая птичка сломалась быстро – плачевное состояние Маниша следствие не столько физических истязаний, сколько психологического давления. Иногда достаточно только грамотно надавить... А калечить не надо, калечить ни к чему, он может ещё пригодиться и сослужить неплохую службу.

Но это потом, а пока нужно послушать, что напоёт нам наша маленькая птичка.

– Надеюсь, ты хорошо подумал, потому что потом думать будет несколько поздно...

Разбойничьи глаза президента Ордена Вазишт сверкнули при свете факелов злорадным огнём, и показалось, что вот сейчас он достанет из-за пояса кривой нож, и пригрозит расширить улыбку от уха до уха, если не скажешь ему, где зарыл свои деньги.

Писарь каменного владыки, впрочем, денег не зарывал, но понимал, что в его голове зарыто нечто такое, что представляет для его мучителей куда большую ценность, чем его скромное состояние. Он попытался представить, что с ним будет, если хозяин его узнает, где он пропадал, и что разболтал (или только собирается разболтать) ... И не смог. Фантазия хозяина была поистине безгранична.

– Ну так? – поинтересовался разбойник.

– Я подумал! – выкрикнул Маниш, который, по-видимому, решил, что его прямо сейчас потащат на дыбу, даже двух слов не дадут сказать.

Президент слегка склонил голову набок, изображая вежливый интерес.

– Это всё хозяин – это всё он! – завопил писарь.

– Поподробнее, Маниш, поподробнее, – попросил президент и сел на округлый камень, на который было наброшено несколько циновок, и который служил здесь сиденьем.

Стражник воткнул древко факела в паз в полу и удалился, шлёпая сандалиями. Разговор не предназначался для его ушей.

– Давай, рассказывай, – сказал президент, – и не упускай ничего, это в твоих же интересах.

– Хозяин назначил встречу человеку... ратаэштару Йима... Да, кажется, так его зовут. Он хочет на место президента вашего Ордена, поэтому его и приглашают в общество...

ГЛАВА 5. Ночь над городом

Ночь упала на Ашу как всегда быстро, без пышной прелести заката, спрятавшегося за горные пики. Небо полыхнуло, лазурь залило розовым и оранжевым, а потом тьма окутала город, наткнулась на шпиль Академии, подмяла под себя Эмпирей и в небе замигали бриллиантовые звёзды, точно то было и не небо вовсе, а богатая порода в глубине горной шахты.

Ректор Онто спустился в свой просторный кабинет из башенки обсерватории, где сидел в глубочайшей задумчивости. Шёл он медленно, опираясь на деревянный костыль, который снизу переливался бриллиантовым наконечником. Он не интересовался закатом, не интересовался звёздами и вообще его мысли больше чем обычно были далеки от небесной тверди. Ректора Онто как никогда заботили земные дела. Во-первых, ему не нравилось то настроение, что он встретил на прошлой неделе в казармах Огненной Тысячи. Когда он вошёл туда, в его сторону повернулись головы пехлеванов, и на секунду в их глазах он увидел изумление – что он тут забыл, что надо здесь этому старому хрычу... Аиль Онто всегда славился своим влиянием на армейские подразделения. Это пошло с тех пор, как тренировку и воспитание пехлеванов поручили Академии. Он всегда, всегда знал, что может опереться на армию, а теперь всё стало меняться. Он чувствовал, как влияние и власть выскальзывают у него из рук. Из-за этого случая в казарме он долго не мог успокоиться. Да, засиделся ты ректор на высоте своего кабинета, засиделся. Надо больше работать с людьми. Отправить им несколько бочек лучшего вина из своего погреба, что ли? А ратаэштару Тысячи преподнести ножны с отделкой из редких пород дерева – дорогушая вещь, никто от такой не откажется... Да, где бы такие ещё достать? Материал не проблема – у него хватит на это средств, другое дело найти мастера, который сможет всё сделать – таких исчезающее мало. А нужно сделать что-то действительно хорошее. Аиль Онто чувствовал, что скоро ему очень потребуется поддержка военных. Ему и Мудрейшему.

Во-вторых, он был встревожен поведением Ролана. Что-то этот старикан задумал, что-то там происходит с этим Каем. Самое неприятное, он, Аиль Онто, даже приблизительно не может сказать, что именно. Поэтому пришлось подключать Кая и связаться с Орденом Вазишт, чтобы её президент присутствовал при разговоре. Последний факт был ему вовсе неприятен. Он наглядно продемонстрировал президенту, какое маленькое влияние имеет ректор на своих учеников. Ему потребовалась поддержка. Да. Президент уверял, что Кай теперь их с потрохами – надо только проверить того паренька, с которым он и его друг сюда явились. Не зря же пасынок зимы так перепугался, когда речь зашла о нём. Но Аиль Онто не верил. Нет, не продаст им Кай свою душу. Аташ Дастур имеет на него куда большее влияние, чем все они вместе взятые. И это его, Аиля Онто, упущение. Но что поделаешь, он стар. Он уже утратил свою хватку, да, впрочем, и в лучшие времена быть авторитетом для всех учеников не удавалось. Всегда находилась какая-нибудь паршивая овца... Вот как этот генерал армии, недавно назначенный Мудрейшим. Аиль Онто подозревал, что назначение это не случайно. Мудрейший не хочет ни с кем делить власть, даже если это власть его ближайшего соратника. Рыба гниёт с головы и вот уже вся армия выскользает из рук. Ректор считал, что это большая ошибка Мудрейшего. В одиночку контролировать пехлеванов он не сможет, а значит, будет ещё кто-то третий. Власть, ускользая у одного, непременно подхватывается другим – это закон политики и ничего тут не попишешь... Да. Аиль Онто чувствовал, что постепенно оказывается за бортом.

Взгляд его равнодушно скользнул по полкам и наугад он вынул из кучи свитков один манускрипт. Ректор не был человеком суеверий, но страсть к гаданиям по рукописям порой пробуждалась в нём. И чем больше шло времени, чем старше становился ректор, тем в большую зависимость от этого он впадал. Гадание не было для него предсказанием судьбы – просто вечерний ритуал, который ему нравилось совершать. Да, он стар... Появились у него уже свои

глупые стариковские привычки. Пожалуй, эти привычки – единственное, что не меняется в нём и вокруг него. И на неизменность приятно было опереться.

Он тяжело вздохнул и с трудом (отсутствие ступни порядочно осложняло ему жизнь) уселся на циновку. Рядом стоял кувшин с тридцатилетним вином. Учитывая имеющиеся уже значительные проблемы со здоровьем – брал своё возраст, брали своё бурная молодость и старые раны – ректор старался не пить. Но кувшин аккуратно из года в год каждый вечер появлялся в его кабинете. На всякий случай. Теперь Аиль Онто решил, что случай как раз тот.

Он цепкими пальцами схватил за бока золотой кубок, нагнул кувшин, и игристое алое вино лизнуло дно кубка.

Аиль Онто отпил и развернул свиток.

Тринадцатая строка – сказал он самому себе. Вздохнул, сделал ещё глоток и медленно провёл пальцем по свитку, отсчитывая строчки. Прочёл.

Ректор закрыл глаза и стал тихонько раскачиваться, размышляя над значением фразы. Впрочем, это было не так важно ему – он просто давал своему разуму отдых и вскоре все мысли исчезли, осталось только мирное покачивание и тишина. Аиль Онто осушил кубок до дна.

Ну, вот и всё – подумал он – всё на сегодня. Однако рука его всё же потянулась к кувшину. Он ухватился за ручку и бережно его наклонил. Хватит уже беречь здоровье – чего уж там. Перед смертью не надышишься, немного ему, в общем-то, и осталось.

Тут вдруг раздался на весь кабинет глухой удар, и от неожиданности рука ректора дрогнула. Кувшин выскользнул из рук, стукнулся об пол, разлетелся на куски, и вино красной лужицей поползло по полу. Ректор поднял от лужицы гневный взгляд.

Прямо перед ним стоял человек в походной одежде, с костяными оберегами, точно только что он выбрался из леса, и каким-то дикарским томагавком.

– Что... – гневно начал ректор и тут взгляд его упал на источник недавнего стука. Это был золотой футляр, который раскрылся от удара об пол. Библиотека Аиля Онто была самой обширной во всём Аше, а значит, и вообще в мире и включала в себя около пятидесяти свитков... Ректор тут же задохнулся от нахлынувшего на него гнева, и в груди что-то закололо.

Тише, напомнил он себе, успокойся. Ты стар, тебе нельзя так волноваться.

Немного придя в себя, он два раза тихонько вздохнул – так чтобы боль опять не схватила за сердце, почувствовал, что ему становится легче и спросил сиплым голосом.

– Кто такой?

Человек молчал. На лице его промелькнули странные эмоции, потом оно стало каменным, как у статуи на могильном камне. Человек внимательно смотрел на ректора, изучал его глазами, как давеча они с президентом изучали Кая.

– Я, кажется, спросил, кто ты такой?

– Валтасар.

– Что – «Валтасар»?

Человек слабо улыбнулся.

– Это моё имя. Я слуга Ахримана.

– Что? – воскликнул ректор и тут он увидел, какой свиток уронил этот молокосос, назвавший себя Валтасаром.

Упавший свиток, вылетев из футляра, раскрылся и виден был сделанный чёрными и красными чернилами рисунок. Это были древние драконы Изгнанников, созданные ими из огня и металла, парящие над только что сотворённой землёй. Книга была сборником легенд и преданий обитаемого мира. У драконов было много имён, как и у всех созданий древности. И одного из них называли Ахриман.

До ректора стало доходить то, что происходит. И то, что он понял, совсем не понравилось Аилю Онто.

– Что тебе нужно? – спросил он осторожно.

По спине ректора пробежал неприятный холодок страха.

Валтасар подошёл ближе.

– Я сказал – я слуга дракона, ты знаешь, что мне надо, – сказал он.

– Я не знаю, что тебе нужно, слуга дракона, – ещё осторожнее произнёс ректор, и ему вдруг захотелось, чтобы это оказался какой-нибудь безобидный сумасшедший.

Конечно сумасшедший, потому что слуг дракона не может существовать на земле. Они убили их всех там, в Сером Ущелье, двадцать лет назад. Крики людей и звон мечей доставал тогда до самых небес и преисподней, и до сих пор ректор просыпался порой в холодном поту, слыша эти звуки во сне. И когда он просыпался, нога его болела, точно слуга дракона только что отсёк её зазубренным кривым клинком.

Нет, это не может быть настоящий *слуга дракона*.

Незнакомец, тем не менее, стоял перед ним, стоял, и точно знал всё, до последней секунды, до последней капли – что тогда произошло. Как с диким воплем рубил Аиль Онто, ратаэштар кровавого меча, направо и налево, снося головы, калеча тела, отнимая жизни. Нет, не мог он этого знать – не было его тогда на свете, не родился он ещё тогда и никто не мог ему рассказать, потому что ни один слуга дракона Ахримана не ушёл из того горного «кармана» живой. Ловушка захлопнулась, и они уничтожили всех. А потом свалили в кучу и подожгли тела. Нет, ни кто не мог уцелеть.

– Я хочу взять своё, – очень спокойно произнёс Валтасар.

– Что?

– То, что принадлежит мне.

– Что ты имеешь в виду?

– Я скажу, когда придёт время. Но сначала надо провести ритуал, рыцарь кровавого меча. Аиль Онто вздрогнул.

Валтасар нагнулся и вытащил из кожаного сапога длинный, сверкнувший золотом от огня светильников стилет.

Ректор смотрел на него как замороженный. Звать на помощь было бессмысленно. Прежде чем кто-то придёт сюда, будет уже поздно.

Валтасар подошёл к циновке, на которой возлежал ректор, взял из его старческой трясущейся руки наполненный наполовину кубок, осушил его парой больших глотков и поставил на пол, где растёкшееся вино казалось кровью на месте свежего преступления.

– Я уже стар, – сказал ректор, – оставь меня, мне ещё недолго осталось.

Валтасар посмотрел на него очень внимательно и в его глазах Аиль Онто увидел лёгкое зелёное свечение.

Страх стиснул ему горло, так как он понял, что этими глазами смотрит на него сам дракон, похороненный среди скал.

Валтасар между тем покачал отрицательно головой и опустил взгляд, как будто его очень заинтересовал рисунок на циновке. Легко прикасаясь к ней, Валтасар провёл по рисунку рукой.

– Весь смысл в жертве, – сказал он, по-прежнему не глядя на ректора. Аиль Онто показалось на мгновение, что он жалеет его, но потом он понял, что это не так. Что угодно – только не жалеет.

Завеса на входе вдруг колыхнулась, и на пороге возник молодой слуга. Он собирался, как и всегда в это время, забрать кубок и сосуд с вином. При виде Валтасара глаза слуги расширились, и он растерянно взглянул на ректора. Аиль молчал, в надежде, что слуга и сам всё поймёт и поспешит за помощью, пока его не увидел Валтасар. Но тот ни чего не понял, зато взгляд его упал на разлитое вино.

– Господин ректор, – неуверенно обратился он, и Валтасар тут же вскинул голову, уставившись страшными глазами, зрачки которых вдруг сузились как у кошки, на Аиля Онто. – Я уберу? – слуга кивнул на осколки.

– Я убью его, а потом тебя. Будь мудрым и милостивым, рыцарь кровавого меча, – очень тихо, одними губами сказал Валтасар, но ректор прекрасно понял его.

Аиль Онто не сумел выдать из себя ни слова, он только покачал головой, обращаясь к слуге.

– Вам не нужна помощь, господин ректор? – с подозрением продолжал допытываться тот. И вновь качание головой.

– Иди, – сказал Аиль, сумев справиться с собой. Голос был совершенно спокойным, обычным, и его поразило, что в голосе этом скользнуло вдруг что-то снисходительно-доброжелательное. Аиль Онто сам не поверил, что сказал это. Сказал *таким* тоном.

Слуга поклонился и, подозрительно глядя на Валтасара, скрылся за завесой. Некоторое время ректор и Валтасар слушали его удаляющиеся шаги.

– Я следил за тобой, – прервал, наконец, молчание Валтасар и ректор сначала не услышал его – он в страшном душевном напряжении слушал шаги, и ему казалось, что сама жизнь уходит от него по длинному коридору. – Следил за тем, как ты из ратаэштара становишься человеком Совета, как вступаешь в Совет и как селишься здесь, на высоте этой твоей Академии... Твоя нога, рыцарь кровавого меча, не слишком мешала тебе в восхождении по этой лестнице.

– Хватит, – хриплым шёпотом прервал ректор, – прекрати. Не мучай старого человека, – он упорно собирался с силами, чтобы хоть что-то придумать, что-то предпринять. – Ты не мог всего этого видеть – ты тогда не родился.

– Ахриман никогда не рождался, – возразил Валтасар, – он был всегда – он вечен.

Рука ректора вдруг наткнулась на костыль, когда он нервно заёрзал на месте и пальцы тут же показались ватными, не способными схватить его.

Всё решит несколько секунд – понял ректор – или я смогу или нет. Конечно, годы, реакция теперь совсем не та, но это последний шанс.

– Я видел, как ты родился, как делал первые шаги, на моих глазах ты впервые убил человека и я чувствовал на губах вкус его крови. Я был на каждой сече, где ты рубился и кричал «Задавить их копьями! Смерть ублюдкам! Смерть! Ол-ла! Ол-ла!» начиная от стычки с отрядом Чёрной Империи, который вы выслеживали три дня и до твоей последней битвы, где ты убил женщину, отрубившую тебе стопу.

– Она кинулась на меня! – вдруг воскликнул Аиль, чувствуя, что должен что-то сказать. Он уже начал пьянеть и в голове появился какой-то звон, и он в серьёз испугался – не клинка Валтасара, а того, что сейчас упадёт замертво на циновку и все скажут о нём, что он умер от страха. – Ты, дэв, что ты несёшь?!

– Она даже не служила Ахриману, – продолжал Валтасар, – она ненавидела меня так же, как и вы, и мне приятно было, когда она мёртвой упала на камни после того, что ты с ней сделал. Я специально толкнул тебя на это, чтобы получить в свои руки оружие, и я получил. Я сделал его из твоей крови. Я просто хотел, чтобы ты знал это, рыцарь кровавого меча.

На лбу ректора выступил холодный пот, он судорожно сжал свой костыль и резко вскинул его в воздух.

«Этого не может быть» – пронеслась в его голове последняя мысль.

Реакция у Валтасара была отменной. Он перехватил костыль, вырвал его из рук ректора и отшвырнул в сторону, так что он застучал по каменному полу в другом конце кабинета. Второй рукой Валтасар вонзил в грудь ректора стилет одним коротким молниеносным движением.

– Ахриман, – прошептал он, – он скоро вернётся.

И в словах его была убеждённость, а тон таким, точно он делиться своей радостью и болью, и предлагает то и другое отведать с ним.

– Ахриман, – повторил ректор, уже не зная, что он говорит, но воздуха в раненном лёгком осталось ровно настолько, чтобы произнести последнее слово.

Валтасар вынул из тела стилет и ректор Академии Аиль Онто завалился на бок.

Слуга дракона оглянулся по сторонам в поисках того, обо что можно было бы вытереть оружие, и взгляд его упал на лист пергамента рядом с ректором. Он быстро присел рядом на корточки и, не глядя на свою жертву, аккуратно протёр клинок. Затем он перевернул пергамент, и взгляд его упал на слова.

«И поглотила ночь день и могучие тела гор растаяли в темноте, так что и не стало их. И ничего не стало, только тьма и свет костра и виноградная лоза рядом с жертвенным ягнёнком».

Валтасар сдвинул брови, задумываясь над чем-то, а потом поднялся вместе с листком.

– А теперь я скажу, зачем я пришёл, – произнёс он каким-то глухим голосом, глядя в упор на пожелтевший пергамент. Можно было подумать, что он понятия не имеет о лежащем рядом бездыханном теле ректора, а думает, что он жив и даже внимательно слушает его. – Я пришёл за твоей жизнью. Ты задолжал мне её, рыцарь кровавого меча, а долг, как говорят, красен платежом...

ГЛАВА 6. На даче

Кай яростно работал ножом, шинкуя лук, и на глаза его наворачивались скупые мужские слёзы.

– Давай реще, – торопил Гена, танцуя тут же в каком-то дурацком маленьком засаленном фартуке, с изображённым на нём наивного вида медвежонком, от салата оливье, который усердно размешивал большой ложкой, до плиты, куда Яна поставила пироги в духовку. При этом если салат был его трудовой повинностью, то пироги – откровенной халтурой, так как он просто-напросто пускал на них слюни.

– Что?

– Реще, говорю, давай. Селёдка вон уже готова, надо на стол ставить, а у тебя лука зимой не допросишься.

– Так ведь зима.

– Ага, зима, а селёдку мы, по-твоему, будем без лука есть! Может ещё и водку пить без закуски?

Кай признал, что водка без закуски, это конечно безобразие.

Тут в кухню зашла Карина и прекратила глупый разговор.

– Ну что, мальчики, готово ещё что-нибудь? Что в зал нести?

«Мальчики» хмуρο закивали на салат из крабовых палочек.

Особенно мрачен был Гена, который железобетонно верил в то, что на кухне место женскому полу, а уж ни как не «мальчикам». Карина же постоянно выводила его из этого заблуждения, популярно объясняя, что лежание с пивом перед телевизором дело не такое уж и важное, а потому – живо фартук в зубы и вперёд. Конечно, Гена с его характером плевал с высокой колокольни на сто Карин, но тут срабатывал авторитет дочери Рустама и он сдавался.

Карина легко, почти грациозно подхватила хрустальную салатницу и скрылась в зале, где стоял накрытым большой праздничный стол.

– Народу целый дом, а готовить на всех мы одни должны, – буркнул Гена.

– Яна, вон, пироги печёт, – напомнил Кай.

– А что пироги – поставил себе в духовку и иди «ля-ля» разводить. Тоже мне работа.

– Сам-то ты сможешь испечь? – поинтересовался Кай, который неожиданно для себя выступил адвокатом. На самом деле он тоже считал, что определение только их двоих на кухню в корне несправедливо.

Гена неопределенно помахал в воздухе ложкой.

– Ну, предположим, смогу, – сказал он и тут же добавил, – только ты никому об этом не говори, а то запашут...

Оливье был готов и попутчик переправил его в красивую салатницу, так чтобы было с горкой. В салат он сверху воткнул ложку и, судя по его лицу, для него это был просто шедевр кулинарной мысли.

– Пойду, отнесу, – сообщил Гена и на выходе с кухни едва разминулся с Кариной.

Карина ловко проскользнула в дверь, даже не задев великого повара, и подойдя к столу, принялась укладывать на селёдку колечки лука.

– Ну, как сессия? – живо поинтересовалась Карина, которая вообще очень живо интересовалась его учёбой. Даже слишком живо.

– Жив ещё пока что, – скромно ответил Кай.

– Учиться не разонравилось?

Кай попытался вспомнить, когда это ему нравилось учиться и не смог.

– Кай, ты слышишь? Учиться не разонравилось?

– Да я просто помираю на этих занятиях. Раньше было проще... Ну, посвободнее, повеселей, что ли.

– Привыкай.

– Стараюсь!

– Давай, подставляй лапки, – она взяла селёдочницу и вручила Каю, – можешь там поставить и остаться в зале. Вроде всё отсюда вынесли.

Она задумчиво окинула кухню взглядом, прикидывая потери от Каева с Геной в ней присутствия. Покачала головой и добавила.

– Пироги потом поспеют, мы их донесём. Только там Толик торт купил, и я не знаю, дойдёт до пирогов дело или нет. Я ж его предупреждала, но всё как об стенку горох.

Кай прикинул количество спиртного, заготовленного на праздник, и решил, что не доберутся они не только до пирогов, но и до торта тоже.

В зале уже собрался народ и расселся по креслам и диванам. Яна о чём-то трепалась с Катериной Антоновной – матерью Каринино мужа, которая держала на коленях Настю. Настя уже клевала носом, и по-хорошему ей полагалось уже мирно спать в детской, но бабушка ни как не могла выпустить внучку из рук, потому что видела её и так нечасто.

Рустам Тимурович, Гена и Вадим с Игорем сидели уже за столом, но не прикасались ни к жемчужно-белым тарелкам, ни к покрытой испариной бутылке водки. Они вели какой-то свой очень серьёзный деловой разговор, в котором Кай понимал мало, потому что был от этого всего пока ещё несколько далёк. Толик в углу комнаты мучил радио, пытаясь поймать какую-нибудь хорошую песню.

– Я не понимаю, где Паша? – обратилась к общественности Катерина Антоновна, отворачиваясь от Яны. – Время уже почти десять, а его нет!

– Серёжа его доведёт, мама! – крикнула Карина с кухни. – Они вот-вот приедут!

Общественность согласно покивала и опять отвернулась к столу, продолжая серьёзный разговор. Кай устроился в кресло рядом и стал слушать. Сначала он решил, что-то напутал и разговаривают попутчики не о делах, но потом понял, что они говорят каким-то своим шифром. Шифр был необходим ввиду наличия Карининой свекрови... или как это называется? Кай совершенно не разбирался в наименованиях различных родственников и всегда путал. Впрочем, ладно... просто Катерина Антоновна даже не подозревала о существовании другой части мира и была во всех отношениях обычной женщиной.

– Слетаю к родственникам, – сказал Гена, – там у папы проблемы. Если я правильно понял, то к нему собирается сынишка нагрязнеть. Боюсь, он там всех на уши поставит. Там более, у него бестолковка вовсе тяжко соображает.

– Я с его товарищами беседовал – они там все такие, – добавил Игорь

– Товарищами или родными? – уточнил зачем-то Рустам Тимурович.

– Родных у него нет. Во всяком случае, я ни о ком не слышал. Просто друзья-товарищи. Сошлись-разошлись.

Кай подумал бы, что разговор ведётся о родственниках, если бы не знал, что у Гуна отца нет, а значит и история с детьми – чушь. Только вот о чём на самом деле говорили попутчики, оставалось для него тайной за семью печатями.

– Папа-то знает, что к нему гости? – спросил Вадим.

Рустам Тимурович покачал отрицательно головой.

– Нет, я его пока не предупреждал. Сам-то он ничего, мужик крепкий, а вот его родные могут наломать дров.

Катерина Антоновна прислушалась к разговору и, судя по всему, вознамерилась к нему присоединиться.

– Начнут скандалы между собой, – продолжал, не чуя опасности, Рустам Тимурович, – перегрызутся. Только нам лишние проблемы.

– Но предупредить ведь надо, – сказал Игорь.

– Позже. Всё равно помешать ему он ничем не сможет.

Катерина Антоновна бодро ссадила Настю с колен и вручила её Яне. Удивительно легко для полной женщины она пересела за стол, точно материализовалась там.

– Геннадий, а ваши родители где живут?

– Э-э... Где живут? – растерялся Геннадий.

– В Казани, – сказал Рустам Тимурович, который первым опомнился от неожиданности.

– В Казани, – вздохнула Катерина Антоновна, – далеко...

Правильно, подумал Кай, чем дальше, тем лучше.

– У меня в Казани подруга работала, – вдруг выпалила она, – в семидесятых туда попала по распределению – учительница.

Судя по тому, как вытянулись лица попутчиков, ни о какой подруге-учительнице они никогда не слышали.

Катерина Антоновна налегла грудью на стол, сложив перед собой руки, и очень проникновенно обратилась к Гене.

– Геннадий, вам не кажется, что отец имеет право знать, что к нему едет ребёнок?

В этом была вся Каринина свекровь – воспитанная искусственно интеллигентность чередовалась в ней с деревенской простотой, позволяя порой влезать в чужие разговоры, как будто только её тут и ждали.

Этого качества попутчики явно не предусмотрели, устроив здесь совещание.

– Ну, это очень непростой вопрос, – начал выкручиваться Гена, – тут не так всё просто...

Человека нужно морально подготовить. Потом, у него же семья... Так что не просто, нет...

Толик нашарил, наконец, какую-то волну и сквозь помехи в зале заиграл «Наутилус».

– Анатолий Петрович, – возмутилась Катерина Антоновна, и Толик вздрогнул, – что за чушь вы слушаете! Неужели ничего лучше нет?

Улыбнувшись дрогнувшей улыбкой, Анатолий Петрович быстро убрал «Наутилус», и на другой волне поймал что-то про ландыши.

Интересно, кто это крутит такие вещи в середине января, – подумал Кай.

Однако Катерина Антоновна успокоилась, легко, как это часто с ней бывало, переключилась на другую тему и попутчики облегчённо вздохнули.

Минут через десять в дверь позвонили, и Кай пошёл открывать. Замок щёлкнул, дверь скрипнула, и в прихожую ввалились двое, с красными носами, заснеженными куртками и пахнущие морозом.

– Салют! – громко объявил Серёга.

Паша только радостно улыбнулся, растирая покрасневшие с мороза руки. Ни перчаток, ни варежек при нём не было, и потому, когда Кай пожал Паше руку, ему показалось, что он прикасается к холодному камню. Был Паша высоким, как коломенская верста парнем с немного детским, мальчишеским лицом и блондинистыми кудрями, торчащими из-под лыжной шапочки.

– Проходите, отряхивайтесь, – пригласил высунувшийся в коридор Вадим, – а что такие снежные, пешком шли?

– Там всё замело, мы застряли, – счастливым голосом сказал Серёга, – давайте сейчас все быстро собираемся и идем, помогаем толкать, а то мы вдвоём не справились.

– Ну, спасибо! – сказал Кай.

За машиной пошли впятером. К двум автомобилистам добавился Гун, который машин в принципе побаивался (то ли из суеверия – уроженец Аша, как-никак – то ли потому что так к ним и не привык), а так же Вадим и Кай.

За забором, где попутчики не работали лопатами сегодня, снег насыпал по щиколотку, так что ни осталось «ни приметы, ни следа», как сказал поэт. Чуть дальше начинались уже большие сугробы до самой просёлочной дороги. С неё был расчищен подъезд, где машина легко могла пройти.

– Где вы застряли-то? – спросил Вадим.

– Там, дальше. Знаешь, где поворот? Там ямы ещё такие, а сейчас всё припорошило...

Ну, буксанули, там надо тихонечко... Вот и всё, зарылись по самые гланды.

– Что мужики, проблемы какие? – высунулся из соседней калитки старичок. Старичок косил на них подозрительно, а на поводке он держал огромную чёрную собаку.

– Ага, – чистосердечно признался Серёга, – машина застряла.

– А где это?

– На повороте, где сосна такая раздвоенная.

– Угу. К Рустаму в гости?

– Ну да.

Сосед немного успокоился, подтянул к себе собаку за поводок. Теперь ему явно захотелось просто потрепаться с новыми людьми. Во всяком случае, Кай с ним раньше никогда не сталкивался. Вообще деревенские к гостям Рустама Тимуровича относились настороженно. Один на иномарке приезжает, другой на велосипеде, или на лыжах зимой – нестыковочка выходит. И все какие-то, непонятно кем работают, ведут себя подозрительно, скрытно.

Многие верили, что он кто-то вроде бандита на пенсии.

Гостей же его считали «мафией».

– Застряли говорите, мужики?

– Ага.

Мужик подозрительно прищурился.

– Ладно, мы пойдём уж, – не стал влезать в добрососедское общение Гена и поплёлся к просёлочной дороге, загребая ногами только что выпавший снег.

– Ну, удачи вам! – крикнул вслед мужик и спрятался за калиткой.

Скоро они вышли на просёлочную дорогу и побрели туда, где за деревней начинался лес, стояла на повороте раздвоенная сосна и уткнулась носом в сугроб Серёгина иномарка.

– Надо было фонарик взять, – посетовал Паша.

– Геена, – протянул Серёга. – Общество требует фонарик.

– Нету, – коротко бросил обиженный Гена, – могу в глаз дать, ты нам посветишь...

Вадим достал мобильник, и стал освещать встроенным фонариком дорогу.

– Ура, – сказал Серёга, – да здравствует научно-технический прогресс! Привет братьям-финнам, завалившим всю Россию дешёвой связью без последствий! Это как раз то, что роднит мобильники с презервативами!

Связь без последствий помогла, и вскоре они увидели свет фар.

– Ты, Серёг, что – смерти не боишься? Спёрли бы твою тачку, поехали бы кататься.

– Кто это? Кому тут кататься – бабушкам и дедушкам? Тут зимой больше нет никого. Это летом. Летом – да. Тут у одного я слышал, шпана какая-то угнала – ну, возраста, как наш Кай.

На Кая посмотрели, и он почувствовал себя на мгновение неловко, как будто это он угнал.

– Ну и чего? – спросил Вадим, с любопытством разглядывая снег, в который закопалась машина.

– Ну и ничего, катались, пока не утопили в озере. По-пьянке дело-то было.

Серёга открыл машину, залез туда и велел остальным толкать сзади.

Гена не согласился и заявил, что снег надо немного расчистить. Поскольку лопат они не брали, расчищать пришлось руками. Тут же Серёга задумал лепить снежки и кидать их в помощников. Помощники возмутились, и снежки полетели в направлении Серёги, а потом вообще во все направления, где были признаки движущихся человеческих фигур.

Битва была в самом разгаре, когда кто-то вдруг вспомнил, что всё на даче стынет, а водка, наоборот, наверное, уже тёплая.

Серёга уселся за руль, остальные принялись толкать машину. Кай оказался сзади как раз между Вадимом и Пашей, упёрся ногами в снег, толкнул, и тут же ударили из-под колёс фонтаном хлопья снега.

Вскоре они вытолкали машину из снега, и Серёга укатил на ней к дому, а все остальные пошли пешком, потому что в салон их, по причине высоко уровня заснеженности, не пустили.

В след удаляющемуся свету фар полетели в морозном воздухе оскорбления, но Серёга их проигнорировал, зараза.

Пришли в дом все раскрасневшиеся, но, как ни странно, довольные. Как дети, ей-богу, подумал Кай, который был младше остальных машинотолкателей как минимум на пять лет.

Может потому, что они недолго отсутствовали, а может потому, что Рустам подсобил, который не брезговал мелкими чудесами в быту, и напротив, сторонился всяких масштабных фокусов, ничего не остыло, не нагрелось, и осталось почти в первоизданном, свежееиспечённо-сваренно-добытом-из-холодильника виде.

Вскоре Карина отнесла свою дочь в спальню, сжалившись наконец-то над несчастным ребёнком. Тогда бокалы наконец-то наполнились вином (в честь дам Карина уломала попутчиков поднять один «винный тост») и Вадим поднялся из-за стола, собираясь произнести речь. Речи он любил и Кай подозревал, что в той, другой, жизни он был каким-нибудь не слишком удачливым поэтом или оратором, который теперь просто на них отыгрывается.

– Итак, – сказал он, – выпьем за попутный ветер!

– Почему за попутный ветер? – поинтересовалась Катерина Антоновна.

– Для красного словца, – ответил Вадим. – И ещё, конечно за Гену, который лучше всех толкает машины из снега, правда, крокодил?

– Правда, Чебурашка, – согласился Гена.

Выпили вино. Потом настала очередь вкусной и здоровой пищи.

В скором времени попутчики разомлели и, хотя женщины ещё суетились по разным причинам, ничего, в общем-то, и не значащим (только Катерина Антоновна отправилась спать), затеяли разговоры о самых разных передрягах и приключениях, в которых им удалось побывать. Кай только внимал, но сам отмалчивался – с ним не случалось такого, что стоило рассказать, и чем можно было бы удивить попутчиков. Он не хватал гарпию за хвост, не мёрзнул высоко в горах и не наталкивался там на древние машины Изгнанников, не удирал от пиратов по Оловянному озеру. Даже не ходил на какое-нибудь подмосковное озеро глушить рыбу динамитом.

Когда на небе показался, наконец, месяц, выглянувший из-за черных туч, было три часа ночи. Внизу Рустам Тимурович ещё о чём-то беседовал с Игорем, а остальные мирно спали. За стенкой мансарды, во второй её комнате, сопел и кряхтел во сне Гена, так что Кай, на чью беду слышимость была отличная, заснуть не мог. Время московское и Аша разлилось на несколько часов, а значит, там был день. Кай всё-таки привык больше жить по тому времени, а не по местному.

«Кто-то использует твою башню, чтобы совершать переход» – сказал Гена и эти слова не давали Каю покоя. Он совершенно не понимал их значения, потому что это просто не укладывалось в голове. Кто-то использует ТВОЮ башню... Немыслимо. Столь же немислимо, как пройти сквозь запертую дверь, как перешагнуть двухметровую стену. Самое плохое, что, похоже, никто ничего не собирался ему объяснять. Никто даже вида не подал, что происходит нечто невообразимое.

В конце концов, Кай уже привык, что специфика работы попутчиков мало чем отличается от работы секретных служб и изобилует столь же загадочными мотивациями. Конечно, уж волшебнику-то виднее, но...

Башня. Для любого другого, кто ни разу не пересекал меридиан слово это – пустой звук. Башня – это эталон, это символ, это, в конце концов, объект невероятного притяжения, перебрасывающего людей через разлом мироздания. Это страсть. Самая настоящая.

А страсть влечёт за собой ненависть, ревность... Нет, наоборот – ревность и ненависть.

В задумчивости Кай подошёл к книжной полке и безо всякого любопытства посмотрел на корешки книг. Если верить тому, что о человеке можно узнать по его книгам, – подумал он, – то Рустам Тимурович у нас человек неординарный. Были здесь и Гоголь и Достоевский, были Булгаков, Гёте, Илья Ильф с Евгением Петровым, Кант и Ильин. Мешанина. Классическая мозаика. Порой несопоставимая, порой схожая как близнецы-братья. Тут же ютились и детективы – и тоже классика: Кристи, Дойл, Стаут... Современной литературы было мало, хотя именно она в первую очередь Кая и занимала – ему нужен был пульс эпохи, а не прошлое, покрытое пылью.

– Интересуешься?

Кай оглянулся. В собственном доме Рустам Тимурович никогда не стучал в дверь.

– Хватит, давай спать, что электричество переводишь?

– Боитесь, закончится?

Рустам хмыкнул.

– Боюсь, Чубайс обидится. Он и так уже у всей страны лампочку Ильича отобрал и в карман положил.

– А что тут одна древность?

Рустам Тимурович подошёл ближе и окинул полку внимательным взглядом.

– Тут-то? Почему древность – классика... А классика она тем и хороша, что всегда актуальна.

– Мудро, – сказал Кай. Просто так на самом деле сказал.

– Кай, ты уверен, что хочешь стать попутчиком? – без перехода спросил Рустам Тимурович.

Он продолжал изучать взглядом книги, даже не изучать, а смотреть как на старых знакомых. Будто здоровался с каждой, спрашивал как житьё-бытьё.

– Да.

– Все мы на самом деле просто дети, Кай. Взрослые дети. Поэтому и маемся между половинками мира. Ты знаешь, откуда взялась та, другая половина? Изначальный мир был создан единым. Потом появились правда и ложь, добро и зло, чёрное и белое. Противоположности притягиваются только в любви и физике – тут физики и лирики солидарны между собой. А на самом деле они не могут существовать вместе.

– У нас есть легенда, что когда-то в мире, над землёй, парили сотни драконов из огня и стали. Они были его хранителями. А потом из-за чего-то началась между ними война, и все они погибли, были сброшены на землю...

– ...но земля разверзлась и поглотила их, а там, где они упали, выросли горы... Переход – это прыжок через самую прекрасную часть мира, но именно там нас ждёт дракон. Там он заточен, и красота в данном случае спасает мир...

– Красивая легенда.

– Ну, не знаю, не знаю... Это зависит от вкуса... Тогда, вместе с драконами погибли все Изгнанники... Кстати, говорят, что они же были и Зодчими башен. А потом канули в Лету, потому что такая у них была судьба.

– Судьба?

– Конечно. Все цивилизации гибнут рано или поздно, оставляя по себе лишь память. Гибнут, какими бы они не были великими.

Кай изумлённо уставился на волшебника.

– Так это правда!?

– Ну да.

Некоторое время Кай смотрел на корешки книг, но не видел их перед собой. Мысли его были заняты другим.

– Мне всегда казалось, что это просто легенды, – сказал он, наконец. – Тысячи железных драконов, огромных боевых машин... Подводных лодок, замороженных в лёд за скалами... Интересная была у Изгнанников судьба. Воинственный народ, который сам себя и сжёт. Не повезло им.

– Судьба, Кай – это твой, мой, чей-то ещё выбор. Свою судьбу мы пишем сами. Кроме некоторых случаев.

– Каких это?

– Тех, что называют случайностями.

– А так же день рождения и день смерти, – добавил Кай, вспоминая вдруг что-то из академских лекций по философии и теологии. – Определяемых фраваша. Человек ведь над этим не властен... Они предопределяют, добру послужит человек или злу. Спенте или Ангре – благому или злему духу.

– Когда ты спешишь на автобус, – заговорил вдруг о чём-то не о том волшебник, – ты не знаешь – успеешь на него, или нет. И вот ты прибегаешь на остановку и видишь, что он от неё уже отошёл и теперь ты должен плясать на морозе в ожидании следующего. Ты начинаешь со зла гадать, а вот если бы ты не занимался сейчас тем или этим, вышел бы пораньше, успел бы... Как ты думаешь – это судьба?

Кай растерялся.

– В смысле что – опоздание?

– Да. А так же те часто лишние и ненужные вещи, что мы можем делать место того, чтобы пораньше выйти из дома.

– Ну, не знаю...

– От тебя изначально зависело, успеешь ты или нет, но тогда ты об этом не знал. И опоздал.

Кай понял, что теряет нить повествования.

– Но существует же расписание...

– В России, Кай, не существует расписаний, – очень серьёзно сказал Рустам. – Судьба – это смесь тех выборов, которые мы делаем и того, что от нас не зависит. Однако от нас зависит гораздо больше, чем мы думаем. Просто изначально мы не знаем последствий. Судьба не закладывается изначально фраваша, фраваша всегда обращены ко благу, поскольку изначально всякий человек благ. Именно это и есть их единственный выбор, единственное обыкновенное влияние – предрасположенность Спенте.

– Хорошо – хорошо, но как это связано со мной?

– Ты сам выбрал тот момент, когда должен был уйти из Аша. Но почему ты думаешь, что должен быть попутчиком? Попутчики, Кай – те, кто остановились и не захотели идти дальше. А ты хочешь идти. Ты уже сейчас идёшь, не отвлекаясь на мелочи, а если и отвлекаясь, то ненадолго. Их работа для тебя – точно то жевлечение... увлечение... Я думаю, оно временно. Ты ведь даже не родился в Аше, а пришёл из-за Гиперборея, а даже я не смею гадать – что там... И мне кажется, ты ещё свой путь не завершил.

Кай начал обижаться, потому что не думал, что его увлечение временно.

– И куда же я иду?

– На встречу судьбе, куда же ещё – это и ежу понятно!

Кай хмыкнул.

– То есть моя судьба – в этом мире? Почему? Может мне ближе меридиан? Меня ведь тянет туда. А кстати, если добро и зло разделено, то откуда взялся меридиан? Это то место где добро и зло едины?

– Нет, это то место, где их проще отличить друг от друга. Ну а насчёт того, что тебя туда тянет... Неужели ты сам не видишь – разве Гай, Разве Саар, но ты его знаешь как Сергея, разве они испытывают такое притяжение? Башня манит лишь того, кто должен пройти путь до конца. И чем сильнее будет притяжение, тем быстрее и дальше ты пойдёшь.

– Я не знал, – сказал Кай.

– Конечно, не знал. Я не против того, чтобы ты попробовал эту работу. Всё-таки и ей должен кто-то заниматься. Просто однажды ты сам поймёшь, что тебе этого больше не хочется, тебе это больше не нужно. И тогда притяжение башен закончится. Ты найдёшь свою дорогу – и эта дорога в половине мира Млечного Пути, не зря же ты пришёл сюда.

Кай мотнул головой с лёгкой усмешкой. Ему не понравилось то, что слышно было в подтексте слов волшебника.

– Я не вернусь больше в Ашу?

– Нет, тебе туда дорога будет закрыта. Можешь считать, что твой фраваша определил тебе такую судьбу. Я не знаю, существуют они или нет, но если существуют, то тебе попался какой-то очень капризный нытик, – Рустам улыбнулся, – ни один его мир не устраивает, ни другой. Решает кто ему друг, кто брат, а кто сестра по собственному выбору.

Кай нахмурился. Он вспомнил Азиру Ирбе.

– Я этого не хочу, – сказал он. – Если судьба зависит от выбора, то я не выбираю себе такой судьбы. Я хочу возвращаться на равнины и леса Аши, хочу ещё походить по его улицам...

– Со временем равнина перестанет радовать твой взгляд, и ты увидишь, что она скучна и однообразна. Воздух лесов покажется тебе недостаточно свежим, а пейзаж гор – серым и безжизненным. Истинное удовольствие от жизни ты будешь получать только здесь. Это придёт постепенно.

Кай вздохнул.

– Не слишком радостная перспектива.

– Это тебе сейчас так кажется. Ты останешься здесь, ты будешь доволен и ты забудешь о башнях. Пожалуй какое-то время ты походишь к нам в гости, а потом однажды пообещаешь прийти и не придёшь. Не придёшь уже никогда.

– Почему не приду?

– Ну, это будет для тебя всего лишь прошлым, а ты из тех людей, что не умеют жить прошлым. Пока, конечно, ты молод, все молодые живут настоящим, но и со временем прошлое не будет значить для тебя больше чем настоящее... Ладно, давай спать, спокойной ночи...

Рустам Тимурович вышел в коридор, но Кай остановил его вопросом, который внезапно вспомнился ему. Он хотел спросить давно, но на празднике это было невозможно.

– Рустам Тимурович, вы послали вчера утром ко мне Гену. Он мне сказал, что кто-то совершает переход моей башней.

– Как ты догадался, что я? – не стал спорить волшебник.

– А кто ещё? Сам бы Гена ничего не сказал – дисциплина.

Рустам Тимурович хмыкнул.

– Мы пока ещё ничего толком не знаем. Спи. Не забивай голову... Ах, да, вот ещё что. Кай, я думаю, чтобы валыну не тянуть, пора совершить первое чудо.

Кай удивлённо посмотрел на Ролана и тут же вспомнил обо всём, что было в Академии. Он собрался, было уже всё сказать, но Рустам Тимурович продолжал своё, и Кай промолчал.

– Готов?

Кай вдруг испугался.

– Да вроде как, – выдавил он.

Ролан кивнул, сделал серьёзное лицо, взмахнул рукой, как будто в каком-то магическом жесте. Кай уже подумал, что сейчас из пальцев его брызнут искры, или воздух прорежут разряды молний, но ничего подобного не произошло.

Ролан протянул руку к Каю и неуловимым жестом фокусника вытянул вдруг у него из уха позолоченный амулет на длинной цепочке. Он подцепил цепочку ногтем и продемонстрировал Каю. Кай в недоумении смотрел на то, как кругляш амулета с неясным рисунком раскачивается перед его носом.

– Ну и чего? – поинтересовался он осторожно, предполагая, что странный ритуал ещё продолжается.

– Бери, – улыбнулся Ролан.– Владей.

Кай моргнул.

– Ладно, – он подумал, что это, должно быть, какая-то специфическая шутка и потому взял медальон, подержал в руке, обнаружив, что он довольно тяжёлый, но сделан явно не из золота.

– Однажды эта вещица может очень помочь, – сказал Рустам Тимурович.

– Да уж, – хмыкнул Кай, решив не обращать внимание на его закидоны.– Поможет... Чудо, да?

Аташ Дастур кивнул и насмешливо улыбнулся.

– Чудо.

Кай покорно вздохнул и надел медальон на шею. Потом взял его на ладонь, присмотрелся и пришёл к выводу, что наполовину затёршееся изображение на нём – это богатая виноградная гроздь.

ГЛАВА 7. Валтасар

По всему полю, до самых стволов высоких сосен рассыпались белые цветы. Казалось, что это эдакий проеденный молью, с зелёными дырами ковёр. Над головой простёрла свою длань небесная лазурь, где-то рядом едва слышно журчал ручей, играя меж камнями солнечными зайчиками. Слышно было пение птиц, стрекотали кузнечики, и ни что не нарушало многолетнего покоя этого места.

Валтасар шёл вразвалку, приминая сапогами сочную траву. Где-то впереди за соснами, за дымкой иссиня-зеленого тумана, не смотря на ясный погожий день, словно затаившегося там, как таится на охоте дикий зверь, возникали каменные скалы. Горных пиков не было видно – поле находилось высоко, и только воздух – горный, свежий, говорил о том, что душная равнина далеко внизу.

Валтасар наклонялся над белыми цветками, придирчиво разглядывал маленькие бурые плоды, после чего иные пропускал, а иные аккуратно отрывал от стебля и складывал в деревянную коробочку, висящую на шее на ремне.

Он ни коим образом не напоминал теперь охотника предгорий, а был тем, кем был – травником, собирателем растений. В небольшой мешочек, привязанный к поясу, Валтасар складывал листья того же растения. Растение это имело много названий, и в одних народах звалось могильником, в других рутой, а в третьих его называли гармалой. На поясе Валтасара не было тотемов, не было тамагавка. Лежал только в ножнах самый обыкновенный остро заточенный нож.

Увлечённый своей работой, насвистывая какую-то мелодию, Валтасар всё ближе и ближе подходил к каменным уступам, где обрывалась зелёная лужайка.

Неожиданно рядом послышалось шипение. Валтасар быстро выпрямился, очнувшись, оглянулся по сторонам и увидел на собственной руке, скрутившуюся у плеча в шевелящиеся кольца змею. Змея открывала и закрывала зубастую пасть, что совсем не характерно для змей, и из неё выскальзывал раздвоенный язык. У самой треугольной змеиной головы что-то пульсировало, как будто готовый вот-вот прорваться гнойник или какая-то железа.

Валтасар замер. Кровь в его жилах похолодела, а лоб сразу стал влажным от пота. Он подумал, что это просто невозможно, как она забралась сюда, на его руку? Но змея была, и спорить с этим было трудно.

Рептилия качнула головой и стала вытягиваться.

Кольца сжимали руку всё туже и туже, с силой, которой просто не могло быть у змеи. Не у этой во всяком случае. И она продолжала тянуться к его лицу. Продолжала вытягиваться, словно была из воска.

Валтасар перестал дышать.

Хищная морда качнулась перед самым его лицом, и Валтасар внезапно совершенно точно понял, что змея сейчас бросится на него.

Рептилия качнулась в последний раз, издала страшное угрожающее шипение, а потом пасть её резко раскрылась и острые как кинжалы зубы, с которых капал яд, мелькнули перед глазами.

Валтасар дёрнулся и проснулся.

Сначала он не понял, что это был просто сон. Он не понял ничего, только сердце бешено колотилось в груди, и он слушал его стук. Бум-бум... пауза... бум-бум...

Он глубоко вздохнул, провёл по лбу рукой и обнаружил, что вспотел от страха. И тут же ощутил на своём плече тяжесть свернувшейся в кольца змеи. Сердце ухнуло вниз в бездонную пропасть, он дёрнулся, перевернулся на другой бок, но тяжесть последовала за ним и отозва-

лась вдобавок тупой ноющей болью, как будто змея так сдавила руку, что сейчас сломает ему кость.

Тогда Валтасар понял, что никакой змеи нет – это всего лишь сон. Но есть в боль в плече из-за того молокососа в лесу. Они, в общем-то, были ровесниками, но любой горожанин был для выросшего в суровых лесных условиях Валтасара молокососом.

– Ф-ф-ф... – Валтасар сел на набитом соломой матрасе, протёр мешковиной, которая служила ему одеялом, лицо. В комнате было душно и кожу слегка щипало. Возможно, взмок он не только от страха. Валтасар нервно усмехнулся. Всё же лучше, чем сходить с ума от страшного сна.

Он встал с некоторым трудом, и тут же у него закружилась от слишком долгого сна голова. Денег двух молокососов-охотников, встреченных так удачно вполне хватило на гостиницу и на выпивку. Он проспал всю ночь и весь день после убийства, а потом и следующую ночь, но и теперь чувствовал себя уставшим, точно и не набирался сил, а напротив кто-то выкачивал их из него. Голова была как будто чугунная и перед глазами плавали чёрные пятна, больше того, казалось, что такие же чёрные пятна плавают в мозгу и мешают соображать. К тому же если раньше он не вспоминал о плече, то теперь оно само дало о себе знать.

Он прошёл к другой стороне комнаты, где стояла глиняная кадка с водой. Упал перед кадкой на колени, как будто моля о помощи, задержал дыхание и опустил в воду лицо. На некоторое время он застыл, пытаясь прогнать все мысли, не думать ни о чём, дать отдых голове.

Когда воздуха стало ему не хватать, он резко поднял голову, мокрые волосы хлестанули по спине, кадка качнулась и вода пролилась на земляной пол. Валтасар с жадностью задышал, с шумом втягивая носом воздух, и выдыхая ртом, от чего с губ полетела водяная пыль.

Тут послышались шаркающие шаги, и в полутьме комнаты глинобитного дома возникло нечто огромное и тяжело дышащее. Оно загородило маленькое единственное окошко, так что показалось, что огромная грозовая туча затмила солнце... Впрочем, грозовых туч, ровно, как и гроз на равнине небыло никогда – ни одна туча не могла перевалить извне через горы, увенчанные серыми башнями.

– Вот, – сказала туча, ставя на пол кувшин, от которого расплывался терпкий запах вина. – Давай деньги.

Валтасар встал на ноги и, подойдя к сваленной у матраса куче одежды, порылся там, достал несколько монет, передал хозяину гостиницы.

– Ты это, – сказал хозяин грубо, – опохмел опохмелом, но смотри тут мне не нагадь, а то оттирать сам будешь.

Валтасар вспомнил, что вчера пошёл и по-свински напился. Сразу, как только ушёл из Академии. Из-за этого всё, что случилось, казалось то ли сном, то ли хмельным бредом. Валтасар очень хорошо помнил, как пробирался в Академию вчера днём, как вернулся туда ночью, в блаженной прохладе и окружённый запахами равнинного сада. Потом воспоминания были нечёткими и путанными... Он вышел из Академии тем же путём, каким и пришёл туда. Потом шёл по улице и думал, глядя на проходящих мимо людей. Думал о том, что ничего эти люди не знали. Не знали, что он пролил только что человеческую кровь. Это казалось чем-то странным, необычным. Он специально всматривался в лица встречных, пытаясь представить себе, о чём они думают, подозревают ли... Нет, они ничего не подозревали. Поверить в это было почему-то непросто, но разум говорил, что они не могут ничего знать. Это казалось забавным. То, что они ничего не знали... ни-че-го. Да, это было забавно. И странно. Он не сомневался, что всё им содеянное можно прочитать на его же лице... В выражении глаз, в конце концов. Только вот всем было безразлично, чтобы он ни сделал... Они смеялись, они спорили и орали, они ходили грустными, опустив к земле глаза. Город продолжал жить, не смотря на то, что ночь залила его улицы. Это не лес, где человеческие существа затихают с приходом ночи, а на охоту выходят свирепые хищники и дэвы.

Здесь люди продолжали пить, есть, веселиться. Наверное, они тоже убивали иногда, кто знает... Почему-то Валтасару показалось, что они обязательно должны убивать иногда. Так что на самом деле он ни чем не отличается от них. За весёлыми и грустными лицами окружающих его людей живут их мелкие грязные тайны. Что ж, теперь у него есть тоже своя грязная тайна... Тогда он пошёл и напился, потому что ему захотелось выпить, и ему было хорошо.

– Не нагажу, – сказал он хозяину гостиницы, с трудом выдираясь из смутных и словно бы липких воспоминаний.

Всё так же мучаясь одышкой очень тучного человека, хозяин вышел из комнаты. Собственно, это и не гостиница была вовсе, а просто трактир, где можно было переночевать в грязной пристройке. Но Валтасару этого было достаточно.

Он оделся, осторожно вынул из-под матраса стилет, быстро спрятал его в сапог.

Теперь нужно было побродить по городу, послушать, о чём говорят люди. Валтасар подошёл к единственному маленькому окошку под самым глиняным потолком и выглянул на улицу. Перед окошком открывался пейзаж другой глинобитной стены, и плавала песчаная пыль.

Валтасар отошёл от окна, поднял с пола кувшин с вином, стал с жадностью пить не отрываясь. Потом оторвался-таки, вздохнул, вытер рукавом губы. Лучше не стало, Валтасар так и не почувствовал себя человеком. Рука тоже продолжала болеть. Причём болеть вся, целиком. Чувство было такое, будто её поместили под пресс и вот этот пресс давит, давит, давит, не в силах раздробить кости, но так, что хочется тряхнуть рукой, скинуть его. Но это было никак невозможно, потому что, поднимаясь из кисти (странно, удар-то пришёлся не в неё), она растекалась по всей руке и безжалостно долбила в плечо.

Он вышел через зал трактира на улицу (за ночлег пришлось платить ещё вчера, и Валтасар подозревал, что переплатил вдвое, а то и втрое).

Сразу целенаправленно он направился к зданию Академии. О том, что убийца всегда возвращается на место преступления, он не знал, и потому действовал по законам жанра. Просто решил, что рядом с Академией ему удастся гораздо быстрее и с большей гарантией услышать всё, что нужно... И ему было интересно посмотреть, как будут там суетиться люди, спешить, шуметь и так и не узнать, что виновник-то вот он – рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.